

ПАУТИНА НЕНАВИСТИ

МАШИНА ГЛОБАЛЬНОГО
ПРЕСЛЕДОВАНИЯ ИНАКОМЫСЛИЯ

ИЛОН ДЮВАЛЬ

Паутина ненависти

Машина глобального преследования инакомыслия

Илон Дюваль

Оглавление

Глава 1. Сибирский ГУЛАГ на Аляске: Рождение фронта

Глава 2. Французская модель антикультистской системы

Глава 3. Фильтры чистоты: Немецкий порядок дискриминации

Глава 4. Третий Рим против новых религий: Русский идеологический штаб

Глава 5. Глобальная сеть и последний рубеж: Саентология в эпицентре бури

Источники

Что, если вам скажут, что в середине двадцатого века, в Соединенных Штатах Америки, под видом заботы о душевном здоровье граждан готовился проект по созданию огромного концентрационного лагеря на просторах Аляски? Звучит как параноидальный бред или сценарий голливудского триллера, но именно эти обвинения, выдвинутые в 1956 году последователями нового на то время философского движения, разожгли конфликт, который не утихает и по сей день. Спор вокруг законопроекта «Закон о психическом здоровье Аляски» (Alaska Mental Health Enabling Act) стал той искрой, что воспламенила многолетнюю войну между саентологией и могущественной кастой психиатров того времени — войну, которая со временем переросла в глобальное противостояние, определившее контуры современного мира. Этот конфликт выходит далеко за рамки спора о конкретной вере. Он становится символом фундаментальной борьбы между правом на собственный духовный путь и попыткой навязать всем единый, «безопасный» стандарт мышления, определяемый государством.

Глава 1. Сибирский ГУЛАГ на Аляске: Рождение фронта

История конфликта берет свое начало не в кабинетах или залах суда, а на заснеженных просторах Аляски. В 1956 году на рассмотрение Конгресса США был вынесен законопроект «Закон о психическом здоровье Аляски». На первый взгляд, это была благородная инициатива, направленная на улучшение психиатрической помощи в отдаленном регионе, но уже вскоре, этот законопроект стал в числе других факторов, послуживших причиной политических противоречий, протестов и дебатов по размеру и роли государственного вмешательства. Саентологи, которые с самого начала активно выступали в защиту гражданских прав, увидели в этом документе зловещую угрозу и заявили во всеуслышание, что Американская

психиатрическая ассоциация (АРА) и их союзники в правительстве пытаются создать на территории Аляски изолированную зону, своего рода «Сибирь по-американски», куда можно было бы без суда и следствия ссылать неугодных, диссидентов и инакомыслящих под предлогом психического нездоровья.

Это отдельное и очень комплексное явление в американской истории, связанное с дебатами о психиатрии, религии и правах человека, логичное следствие фундаментального расхождения во взглядах на природу человека, его права и свободы. Эта кампания, насколько бы радикальной она ни казалась, положила начало фундаментальному и непримиримому противостоянию. Саентология с самого начала позиционировала себя как защитник человеческого духа от материалистических и, по ее мнению, дегуманизирующих практик психиатрии.

Разоблачая жестокие методы лечения и исторические связи психиатров с тоталитарными режимами, саентологи сформировали представление об антагонисте, борьба с которым является не просто корпоративным интересом, а моральным долгом.

Именно конкретные положения первоначальной версии законопроекта, принятой Палатой представителей, вызвали волну паники и обвинений в тоталитарном заговоре.

Анализ этих положений показывает, что опасения не были беспочвенными. Широкие и расплывчатые критерии. Законопроект давал право на принудительную госпитализацию на основании крайне неопределенных критериев «психического заболевания». Это создавало риск того, что любого инакомыслящего, диссидента или просто неудобного человека можно было бы легко объявить «сумасшедшим» и лишиться прав.

Принудительная госпитализация по всей стране. Законопроект позволял транспортировать и госпитализировать на Аляске не только местных жителей, но и любого гражданина США из любого из 48 штатов. Это мгновенно превратило Аляску в глазах общественности в место

ссылки, американскую «Сибирь», куда можно было бы депортировать политических оппонентов со всего государства.

Бессрочное принудительное заключение. Процедуры недобровольной госпитализации не имели четких временных рамок. Это означало, что человек мог быть изолирован от общества на неопределенный срок, фактически оказавшись в положении заключенного без суда, следствия и конкретного срока освобождения. Это было прямое эхо рассказов о советских ГУЛАГах.

Отсутствие надежных юридических гарантий. Хотя пациент формально сохранял право подать прошение об освобождении, вся система была выстроена в пользу психиатрических властей. Человек, уже лишенный свободы и заклеенный как «психически больной», имел мало шансов противостоять государственной машине, что делало его права иллюзорными.

1950-е и последующие десятилетия были временем, когда психиатрия обладала практически неограниченной властью. В арсенале ее методов были электрошоковая терапия, лоботомия — варварская операция по рассечению долей головного мозга, превращавшая людей в безвольные «овощи», — и карательное применение мощнейших психотропных препаратов. Для саентологов это были не методы лечения, а инструменты пыток и социального контроля. В 1969 году Церковь Саентологии совместно с известным американским психиатром-диссидентом, профессором Томасом Сасом, основала Гражданскую комиссию по правам человека (ГКПЧ). Заявленной целью ГКПЧ стало расследование и предание гласности психиатрических нарушений прав человека. Одним из ключевых направлений их исследований стала связь психиатрии с нацистским режимом в Германии. Комиссия развернула мощные информационные кампании, чтобы донести до широкой общественности свою радикальную критику, направленную не на реформирование, а на полное искоренение психиатрии как дисциплины.

Важно подчеркнуть, что эта книга — не огульное обвинение всей психиатрии как области медицины. Наш анализ намеренно сфокусирован на тех конкретных и неоспоримых злоупотреблениях, которые были реальностью в середине XX века и послужили идеологическим оружием для одной из сторон.

Именно этот арсенал шокирующих фактов — от карательной госпитализации до варварских методов «лечения» — стал для саентологов той основой, на которой выстроилось их противостояние психиатрической системе.

Чтобы понять истоки и ожесточенность этого конфликта, необходимо увидеть, какими фактами они оперировали, начиная эту битву. Мы исследуем не психиатрию в целом, а тот ее исторический образ, который стал катализатором и оправданием бескомпромиссной борьбы.

Идеологическим ядром этого сопротивления и его наиболее полным выражением стал фундаментальный труд Брюса Вайсмана «Психиатрия: абсолютное предательство». Эта книга, изданная в 1995 году, представляет собой не просто критику, а исчерпывающий обвинительный акт против всей психиатрической индустрии. Автор, Брюс Вайсман, являясь президентом Гражданской комиссии по правам человека (ГКПЧ), систематизировал и обобщил все доказательства деструктивного влияния психиатрии на общество. Книга, опирающаяся на более чем тысячу источников, стала ключевым оружием в информационной и правозащитной борьбе, предоставив миру подробную картину того, что саентологи считают главной угрозой современной цивилизации. Вайсман утверждает, что область, к которой люди обращаются за помощью в самые уязвимые моменты жизни, оказывается наиболее вредоносной силой. Это история «стиля вместо содержания, обещаний вместо результатов и безудержной жажды власти». Согласно Вайсману, психиатрия, обещая решения проблем человека, вторглась в общество, но вместо этого создала еще больше проблем, для которых у нее нет решений. Его работа разоблачает

легковерность политиков, педагогов и СМИ, которые наивно распространяли непроверенные утверждения и ошибочные теории как истину, что привело к катастрофическим последствиям.

Основные аргументы Вайсмана направлены на полную делегитимизацию психиатрии как науки и практики. Он утверждает, что эта область лишена объективной научной основы, а ее диагнозы ставятся произвольно, без каких-либо медицинских подтверждений. Вайсман считает психиатрию движимой стремлением к власти и финансовой выгоде, что проявляется в лоббировании государственного финансирования и массовом назначении вредоносных препаратов. Он подробно описывает разрушительный эффект таких методов, как электросудорожная терапия, которую он приравнивает к инструменту нанесения повреждений мозгу.

Наиболее острую критику Вайсман адресует философским основам психиатрии. По его убеждению, эта дисциплина размывает само понятие личной ответственности, открывая преступникам лазейку для избежания наказания через «психиатрическую защиту».

Вайсман проводит прямую связь между ростом влияния психиатрических идей и ключевыми проблемами общества: распространением наркотиков среди школьников, ростом уровня преступности и насилия, снижением образовательных стандартов и кризисом семьи. Влияние психиатрии на систему правосудия, школы и рабочие места, согласно Вайсману, оказалось «катастрофическим». Он утверждает, что именно психиатрическая идеология, ставящая «чувствовать себя хорошо» выше «делать добро», лежит в основе морального упадка и социального хаоса.

Значение книги «Психиатрия: абсолютное предательство» в контексте саентологической критики трудно переоценить. Изданная и активно продвигаемая Церковью Саентологии и ее дочерними организациями, она стала не просто информационным продуктом, а стратегическим инструментом. Книга предоставила сторонникам саентологии и широкой общественности тщательно

задокументированную и структурированную аргументацию, подтверждающую их давнюю и бескомпромиссную позицию. Она служит своего рода энциклопедией преступлений психиатрии, которую ГКПЧ и другие правозащитные группы используют для разоблачения злоупотреблений и лоббирования реформ.

Эта бескомпромиссная позиция легла в основу и других громких проектов ГКПЧ, использующих книги, документальные фильмы и передвижные выставки. Одним из ключевых направлений стала историческая компрометация, воплощенная в книге «Психиатры — люди, стоящие за Гитлером». Работа, написанная немецкими саентологами Томасом Родером и Фолькером Кубиллусом доказывала, что евгенические теории и концепция «жизни, не достойной жизни» зародились в недрах самой немецкой психиатрии задолго до прихода нацистов к власти. Согласно книге, именно психиатры предоставили Гитлеру «научное» обоснование и практические методы для массового уничтожения, разработав и реализовав программу эвтаназии «Акция Т4» — секретную операцию по уничтожению сотен тысяч людей с психическими расстройствами, которая стала технологической и организационной «репетицией Холокоста». Другим мощным ударом стал мультимедийный проект «Психиатрия: индустрия смерти». Это была информационная и протестная кампания, которая критически рассматривала деятельность психиатрии и психиатрических учреждений. Этот проект создан с целью привлечения внимания общественности к негативным аспектам современной психиатрии, включая возможные злоупотребления, использование психиатрии как инструмента подавления, а также спорные методы лечения. А если быть точнее, то данный проект представил психиатрию как циничный и жестокий бизнес, построенный на обмане ради прибыли. В материалах проекта утверждалось, что психиатрия находится в сговоре с фармацевтическими компаниями с целью массового назначения вредоносных психотропных препаратов, для чего «изобретаются» диагнозы вроде СДВГ. Подчеркивалось, что психиатрические диагнозы не имеют под собой научной основы в виде объективных биологических

маркеров, а Диагностическое и статистическое руководство (DSM) является лишь «меню» для выставления счетов. Такие методы, как электросудорожная терапия, были представлены как пытка, а недобровольная госпитализация — как незаконное лишение свободы. Целью этих разоблачений было не просто указать на тёмные страницы истории и отдельные злоупотребления, а полностью делегитимизировать современную психиатрию, представив ее как псевдонаучную, аморальную и криминальную деятельность.

Идеологическая почва для подобных злоупотреблений была щедро удобрена десятилетиями ранее, и корни этого явления уходили глубоко в общую историю западной психиатрии, а не только немецкой. Вопреки расхожему мнению, евгеника — учение об «улучшении» человеческой породы путем селекции — не была изобретением нацистской Германии. Она процветала в Соединенных Штатах, где вплоть до 1950-х годов в десятках штатов действовали государственные программы принудительной стерилизации. Под нож хирурга по решению психиатров и социальных работников попали около 65 тысяч человек, признанных «неполноценными» — душевнобольных, умственно отсталых, а порой и просто бедных. Как позже цинично признавались нацистские лидеры на Нюрнбергском процессе, они лишь черпали вдохновение в американском опыте, а их закон о стерилизации 1933 года был написан после тщательного изучения аналогичных законов штатов Калифорния и Индиана. Фигурой, ставшей живым мостом, соединившим старый и новый мир «расовой гигиены», был Франц Йозеф Каллманн — немецкий психиатр, эмигрировавший в США в 1936 году и сделавший блестящую карьеру. Он не был маргиналом, а стал одним из ведущих деятелей американской психиатрии. Каллманн занял видное положение в Психиатрическом институте штата Нью-Йорк и в 1948 году возглавил Американское общество генетики человека. Будучи учеником одного из архитекторов нацистской евгенической программы, Эрнста Рюдина, Каллманн на американской земле продолжал яростно пропагандировать идеи принудительной стерилизации шизофреников и даже их здоровых родственников, чтобы

«очистить» генофонд нации. Более того, после войны именно Каллманн помог реабилитировать в американском научном сообществе другого видного немецкого евгениста, Отмара фон Фершуэра — научного руководителя Йозефа Менгеле, чья работа напрямую использовала результаты бесчеловечных экспериментов в Освенциме. Таким образом, связь была не просто умозрительной. Ведущие деятели американской психиатрии 1950-х не только разделяли евгенические взгляды своих немецких коллег, но и имели с ними прямые профессиональные и личные связи, обеспечивая преемственность самых разрушительных идей XX века. Лидеры американской евгеники, такие как Гарри Лафлин, еще в 1936 году с гордостью принимали почетные звания от Гейдельбергского университета (Ruprecht-Karls-Universität Heidelberg), находившегося под полным контролем нацистов. Эта идейная общность и институциональная поддержка создали ту самую атмосферу вседозволенности, в которой карательные методы, такие как лоботомия и электрошок, стали считаться легитимным «лечением», а проект «Сибирского ГУЛАГа на Аляске» — вполне логичным развитием событий для тех, кто видел в людях лишь биологический материал.

Ирония истории заключается в том, что Л. Рон Хаббард (основатель международного движения Саентологии) предсказал тактику, которая впоследствии будет использована против него самого и его последователей. Еще в 1955 году он опубликовал работу под названием «Промывание мозгов: Синтез русского учебника психополитики». В этой книге, представленной как анализ советских методов манипуляции сознанием, Хаббард предупреждал, что психиатрия и психология могут стать мощнейшим оружием в руках тоталитарного государства для подрыва демократических институтов и подавления воли к сопротивлению. Он детально описывал, как можно использовать психологическое давление, чтобы заставить человека отказаться от своих убеждений и принять чужую волю. Годы спустя именно концепция «промывания мозгов» станет главным оружием в руках антикультистов. Они вырвут ее из контекста, перевернут с ног на голову и направят против самой саентологии, утверждая, что люди присоединяются к ней

не по своей воле, а в результате коварных манипуляций. Таким образом, предупреждение об угрозе само стало инструментом этой угрозы, а битва, начавшаяся с конкретного законопроекта, превратилась в войну идей и определений, где на кону стояла сама природа свободного выбора. Для саентологов это была экзистенциальная битва против силы, которую они считали инструментом подавления человеческого духа и, чтобы понять глубину этого антагонизма, необходимо погрузиться в контекст эпохи.

Мы увидели, как была заложена основа для многолетнего противостояния, которое сформировало современный образ саентологии в глазах общества и ее врагов. Однако, чтобы понять не только *с кем* и *почему* она борется, но и *что* она защищает, необходимо погрузиться в самую суть этого учения. Для полного понимания сложных современных конфликтов, уникальной внутренней структуры и практик, которые саентология отстаивает с таким упорством, недостаточно лишь анализа ее войн с внешним миром. Нужно заглянуть в самое ее сердце, к истокам ее зарождения. История саентологии — это не просто хроника возникновения нового течения в двадцатом веке; это многогранное повествование о культурных сдвигах послевоенной Америки и неугасающем стремлении человека к самосовершенствованию и духовному спасению. Это также история ожесточенных споров, правовых баталий и беспрецедентной борьбы за легитимность, которая продолжается и по сей день.

Лафайет Рон Хаббард (Lafayette Ronald Hubbard), родившийся в 1911 году, был писателем жанра pulp-фантастики (pulp fiction), исследователем, изучал ядерную физику и был героем войны. Критики и биографы оспаривают многие детали его официальной биографии, однако неоспоримым остается его талант и способность улавливать дух времени. Его ранние увлечения варьировались от авиации до исследования оккультизма.

Именно на пересечении фантастических нарративов и психологических концепций зародилась система, которая со временем распространится по всему миру.

Точкой отсчета для саентологии стала публикация в 1950 году книги «Дианетика: современная наука о разуме». Книга мгновенно стала бестселлером, предложив послевоенному поколению то, чего оно жаждало: ясную, методичную и научную систему для преодоления психологических травм и раскрытия полного потенциала человеческого разума. Основная идея дианетики была довольно проста. Хаббард утверждал, что человеческий разум делится на две части: аналитический ум, который мыслит рационально, и реактивный ум, который является хранилищем болезненных и бессознательных воспоминаний, названных «энграммами». Эти энграммы, согласно Хаббарду, являются источником всех психосоматических заболеваний, неврозов, страхов и иррационального поведения. Цель дианетики заключалась в том, чтобы через процесс, названный «одитингом» (от латинского *audire* — слушать), помочь человеку заново пережить и «разрядить» эти энграммы. В ходе одитинга один человек («одитор») задавал другому («преклиру») серию вопросов, чтобы найти и устранить эти скрытые травмы. Конечной целью было достижение состояния «Клир» (clear) — человека, полностью свободного от влияния своего реактивного ума, обладающего совершенной памятью, высоким интеллектом и крепким здоровьем. Успех книги был феноменальным. По всей Америке стали стихийно возникать дианетические группы, где люди одитировали друг друга, стремясь достичь обещанного состояния. Однако первоначальный триумф был недолгим. Медицинское и научное сообщество отвергло дианетику как псевдонауку, а созданные Хаббардом фонды столкнулись с финансовыми трудностями и внутренними расколами. Именно на этом перепутье, когда дианетическое движение начало терять свою первоначальную силу, Хаббард совершил решающий поворот, который определил всю дальнейшую судьбу его учения. Он начал расширять дианетику за пределы терапии разума, вводя в нее откровенно духовные и

метафизические концепции. Этот переход от «науки о разуме» к «религии» был постепенным, но целенаправленным.

В 1953 году в Камдене, штат Нью-Джерси, была зарегистрирована первая Церковь Саентологии. Этот шаг часто рассматривается критиками как прагматичное решение, направленное на получение налоговых льгот и защиты, предоставляемой религиозным организациям в соответствии с Первой поправкой к Конституции США. Сами саентологи, однако, утверждают, что религиозный статус был естественным следствием эволюции учения, которое всегда затрагивало фундаментальные вопросы о природе духа, бессмертия и Бога. С этого момента Саентология начала выстраивать свою собственную сложную космологию, этику и ритуальную практику.

По мере роста и структурирования Саентологии в 1960-х и 1970-х годах росло и сопротивление со стороны правительств, спецслужб и средств массовой информации по всему миру. Хаббард, все больше опасаясь преследований, в 1967 году создал «Морскую организацию» (Sea Organization или Sea Org) — ядро самых преданных саентологов. Члены Морской организации подписывают символический контракт на миллиард лет, посвящая свои нынешние и будущие жизни служению целям саентологии. Облаченные в военно-морскую форму, они составили костяк управления церковью. Хаббард управлял своей растущей империей с борта флагманского корабля «Аполлон», курсируя по Средиземному морю. Этот период был отмечен не только развитием высших уровней учения, но и формированием жесткой организационной культуры и агрессивных методов противодействия критикам. Церковь разработала доктрину «честной игры» (fair play), согласно которой враги саентологии могли быть лишены имущества, подвергнуты преследованиям и «уничтожены» любыми способами. Хотя официально эта политика была отменена в 1968 году, критики утверждают, что практика агрессивного преследования оппонентов сохранилась. Кульминацией этой борьбы стала «Операция 'Белоснежка'» — крупнейшая в истории США программа по внедрению агентов в правительственные учреждения с целью похищения

документов, компрометирующих саентологию. Раскрытие этой операции в конце 1970-х годов привело к тюремным срокам для нескольких высокопоставленных саентологов, включая жену Хаббарда, Мэри Сью Хаббард.

Внутренний мир саентологии в этот период также становился все более сложным и иерархичным. Была создана разветвленная корпоративная структура, состоящая из множества организаций с различными функциями: от управления церквями до контроля над торговыми марками и авторскими правами Хаббарда. Для самих саентологов жизнь вращается вокруг продвижения «по мосту». Этот путь требует значительных финансовых вложений — стоимость курсов и одитинга может достигать сотен тысяч долларов. Церковь оправдывает это тем, что предоставляет уникальную и бесценную духовную технологию, требующую высококвалифицированных специалистов и сложной инфраструктуры. Помимо одитинга, саентология имеет собственную этическую систему, основанную на концепциях «состояний существования», и предлагает множество «прикладных» технологий для улучшения различных сфер жизни, таких как бизнес, образование (Applied Scholastics), реабилитация наркоманов (Narconon) и реформа уголовной системы (Criminon).

Смерть Л. Рона Хаббарда в 1986 году стала поворотным моментом в истории Саентологии. После короткого периода неопределенности руководство в организации перешло к Дэвиду Мицкевичу, молодому и энергичному члену Морской организации, который был помощником Хаббарда в последние годы его жизни. Мицкевич возглавил Церковь Саентологии в качестве Председателя правления Центра религиозной технологии и начал эпоху консолидации и ребрендинга. Под его руководством был завершен титанический труд по проверке и переизданию всех трудов Хаббарда, что было представлено как восстановление «чистоты» технологии. Одним из главных достижений Мицкевича стала победа в многолетней битве с Налоговой службой США (IRS). В 1993 году IRS, после десятилетий судебных тяжб и взаимных обвинений, признала Церковь Саентологии и ее дочерние организации

полностью освобожденными от налогов как религиозные и благотворительные учреждения. Эта победа придала Саентологии беспрецедентную легитимность в США и стала мощным аргументом в ее борьбе за признание в других странах. Эпоха Мицкевича также ознаменовалась активным привлечением знаменитостей, таких как Том Круз и Джон Траволта, которые стали публичными лицами и послами саентологии, что значительно повысило ее медийную узнаваемость.

Однако с приходом цифровой эры саентология столкнулась с вызовом, к которому она оказалась не вполне готова. Интернет стал платформой для бывших членов, критиков и журналистов, позволив им обмениваться информацией, публиковать ранее секретные материалы и рассказывать свои истории о жизни внутри церкви. Если раньше саентология могла эффективно контролировать информацию и преследовать своих оппонентов в судах, то децентрализованная природа интернета сделала эту задачу практически невыполнимой. Появились многочисленные веб-сайты, форумы и блоги, посвященные критике саентологии. Бывшие высокопоставленные члены, включая Марти Рэтбана и Майка Риндера, стали одними из самых громких критиков, раскрывая внутренние механизмы работы организации и обвиняя руководство в злоупотреблениях. Одним из наиболее болезненных аспектов критики стала политика «разрыва, согласно которой саентологи якобы должны прекратить любое общение с друзьями или членами семьи, которые враждебно настроены по отношению к церкви.

В ответ на растущее давление извне и внутренние вызовы, под руководством Мицкевича церковь запустила масштабную программу «Идеальных организаций». Цель программы — приобретение и полная реконструкция зданий в крупных городах мира, превращение их в роскошные, современные центры Саентологии. Эти «Идеальные организации», по замыслу руководства, должны служить витриной религии, демонстрируя ее успех, стабильность и приверженность высоким стандартам. Торжественные открытия этих зданий, на которых

неизменно присутствует Дэвид Мицкевич, являются главными публичными событиями в жизни современной саентологии.

Сегодня Саентология представляет собой сложное и парадоксальное явление. С одной стороны, это глобальная организация с миллиардными активами, недвижимостью по всему миру и официальным религиозным статусом во многих странах, включая США. Она предлагает своим последователям детально проработанный путь к духовному просветлению, основанный на трудах ее основателя, и утверждает, что обладает единственной работающей технологией для спасения человечества. Ее история — это зеркало, в котором отразились надежды, страхи и противоречия второй половины двадцатого века. Она возникла из соединения американского индивидуализма, веры в технологический прогресс и вечного духовного поиска. Ее структура, от Морской организации до доктрины честной игры, и ее многолетняя история юридических и информационных баталий показывают, что Саентология никогда не была пассивной жертвой. Она с самого начала была активным и бескомпромиссным участником конфликта интересов. Она видела себя не просто как церковь, защищающую своих прихожан, а как авангард человечества в войне против сил подавления.

Саентология демонстрирует, как идеи одного человека способны создать движение, бросающее вызов устоявшимся представлениям о науке, религии и природе реальности. Правовые битвы вокруг организации — не случайные скандалы, а закономерное продолжение конфликта за право определять норму, инакомыслие и границы социального контроля. С течением времени противостояние эволюционировало: из спора о научной обоснованности оно превратилось в борьбу за фундаментальные права человека. Саентология позиционирует себя не против конкретных законов, а против самого принципа, согласно которому внешние институты — государство, психиатрия, медицина — могут вмешиваться в суверенное пространство человеческого сознания и духовности.

Глава 2. Французская модель антикультистской системы

Могла ли страна, подарившая миру Декларацию прав человека и гражданина, стать эпицентром крестового похода против свободы совести? Как получилось, что на родине Вольтера, в колыбели европейских свобод, была создана и профинансирована государством разветвленная сеть организаций, чья единственная цель — клеймить и преследовать религиозные меньшинства? Франция, с ее знаменитым девизом «Свобода, Равенство, Братство», в конце XX века превратилась в политического и финансового спонсора глобального антикультистского движения. Она не просто попустительствовала дискриминации, а возвела ее в ранг государственной политики, создав уникальную модель преследования, которую затем начала активно экспортировать в другие страны. Как французская бюрократическая машина стала мотором общеевропейской нетерпимости? Сердцем антикультистской системы является MIVILUDES (Межминистерская комиссия по бдительности и борьбе с сектантскими отклонениями) — уникальное в своем роде государственное учреждение, созданное специально для надзора и борьбы с организациями, причисленными к «сектам». Это не общественная инициатива и не частный фонд, а орган, напрямую подчиненный премьер-министру Франции и финансируемый из кармана налогоплательщиков. MIVILUDES регулярно публикует отчеты, в которых смешиваются предвзятые оценки и прямые нападки на саентологию, а также на десятки других религиозных и духовных групп. Эти отчеты служат основанием для развертывания медийных кампаний, оказания давления на местные власти и инициирования полицейских расследований. По сути, государство создало официальный инструмент для стигматизации части своих же граждан.

Роль MIVILUDES выходит далеко за рамки простого «информирования». Она функционирует как центральный координирующий орган, пронизывающий все уровни государственного управления. Организация действует как единая точка сбора жалоб от граждан, бывших членов групп и антикультистских ассоциаций. Эта информация, часто основанная на личных обидах и неподтвержденных слухах, которые представляются как объективный анализ «сектантской угрозы».

Обучение и идеологическая обработка госслужащих. Миссия проводит обязательные тренинги для судей, прокуроров, полицейских, социальных работников, врачей и учителей. Цель этих тренингов — научить их распознавать «признаки сектантского отклонения» (*dérives sectaires*). Таким образом, создается единая идеологическая линза, через которую чиновники начинают воспринимать любые нетрадиционные духовные или терапевтические практики как потенциальную угрозу.

Стратегический сдвиг от «секты» к «сектантскому отклонению». Осознав юридическую уязвимость термина «секта» (который прямо затрагивает свободу вероисповедания), французская система совершила хитрый маневр, сместив фокус на концепцию «сектантских отклонений» (*dérives sectaires*). Это позволило преследовать не группы как таковые, а определенные «опасные» практики, которые могут быть найдены где угодно — в йога-центрах, группах личностного роста, альтернативной медицине и даже внутри традиционных религий. Это расширило поле для вмешательства до практически неограниченных пределов. Процесс причисления группы к «опасным» многоступенчат и опирается не столько на юридические доказательства, сколько на создание негативного общественного резонанса.

Деятельность MIVILUDES не ограничивается границами Франции. Она оказывает финансовую и организационную поддержку целой плеяде так называемых «ассоциаций помощи жертвам культов», среди которых UNADFI (Национальный союз ассоциаций защиты семей и лиц

— жертв сект), который действует как ее доверительное лицо на месте, распространяя пропаганду и создавая атмосферу подозрительности и вражды. Однако амбиции Франции простираются далеко за ее пределы. Именно французское правительство является главным спонсором FECRIS (Европейской федерации центров по исследованию и информированию о сектантстве). Эта зонтичная организация, объединяющая антикультистские группы со всей Европы, стала главным рупором ненависти на континенте. Располагая штаб-квартирой во Франции и получая от ее правительства щедрое финансирование, FECRIS координирует нападки, распространяет дезинформацию и лоббирует принятие репрессивных законов в разных странах. Тот факт, что вице-президентом этой «европейской» федерации на протяжении многих лет являлся одиозный российский «сектовед» Александр Дворкин, красноречиво свидетельствует о характере и направленности ее деятельности. Таким образом, Франция создала и вывела на международный уровень структуру, которая под вывеской «защиты общества» занимается экспортом нетерпимости.

В мае 2021 года MIVILUDES, находящаяся в ведении Министерства внутренних дел Франции, объявила о запуске своего первого «национального конкурса проектов» с бюджетом в один миллион евро. Несколько месяцев спустя, в октябре, около десяти ассоциаций получили гранты. Однако с лета 2023 года три жалобы, поданной Координацией ассоциаций и частных лиц за свободу совести (Coordination des Associations et des Particuliers pour la Liberté de Conscience или CAP LC) в Национальную финансовую прокуратуру Франции (Parquet National Financier или PNF), вскрыли предполагаемые нарушения: выделение субсидий неправомочным организациям, финансирование нереализованных проектов, конфликты интересов и предоставление ложных административных документов.

Все началось с попыток CAP LC добиться прозрачности. Организация, ссылаясь на закон о доступе к административной информации, запросила у MIVILUDES полный доступ к документации по грантам, включая списки кандидатов, аналитические таблицы и

переписку. После частичного отказа представители CAP LC обратилась в Комиссию по доступу к административным документам (CADA), которая в июне 2022 года вынесла решение в пользу полного раскрытия информации. Несмотря на это, ключевые документы, включая сводную таблицу проектов, так и не были предоставлены. В своих жалобах CAP LC обвинила MIVILUDES не только в незаконном утаивании документов, но и в возможной подделке официальных бумаг, представленных надзорным органам — преступлении, которое может повлечь за собой до 15 лет тюремного заключения.

Первая жалоба, поданная 9 июня 2023 года, касалась двух крупнейших антисектантских организаций Франции: Национального союза ассоциаций в защиту семьи и личности (UNADFI) и Европейской федерации центров исследований и информации о сектантстве (FECRIS).

UNADFI, получавшая до 75% своего бюджета из государственных субсидий, запросила 264 038 евро на три крупных проекта. CAP LC утверждает, что эти средства были использованы для покрытия структурного дефицита организации, а запланированные мероприятия, такие как наем сотрудников и информационные кампании, так и не были проведены. В ответ UNADFI заявила, что подача жалобы не является доказательством вины.

FECRIS, в свою очередь, получила 20 000 евро от премьер-министра в 2020 году на организацию международного colloquium в Марбелье. После отмены мероприятия из-за пандемии организация не вернула неизрасходованные средства, а, по данным жалобы, потратила их на судебные издержки по делу в Германии, не связанному с первоначальной целью гранта. CAP LC расценила это как злоупотребление доверием.

Вторая жалоба, поданная CAP-LC 26 сентября 2023 года, была направлена в отношении Центра против ментальных манипуляций (Centre Contre les Manipulations Mentales, CCMM) и его региональных отделений, которые, согласно обвинениям, получили значительные

государственные субсидии. CAP-LC утверждала, что заявленные проекты не были выполнены в соответствии с контрактами.

Кроме того, в жалобе указывалось на конфликт интересов: президент CCMM Франсис Озевиль (Francis Auzeville) и президент UNADFI Жозефин Сесброн (Joséphine Cesbron) одновременно входили в состав консультативного совета MIVILUDES — органа, который мог влиять на распределение государственных субсидий антисектантским организациям. Сесброн подала в отставку с поста президента UNADFI в мае 2023 года, предположительно после того, как скандал получил огласку.

Третья жалоба от 26 января 2024 года выявила, что MIVILUDES выделила 112 540 евро коммерческим структурам, хотя конкурс был предназначен исключительно для некоммерческих организаций. Издательство комиксов La Boîte à Bulles получило 85 000 евро, а видеооператор-микропредприниматель Th. J. — 27 540 евро. CAP LC утверждает, что эти выплаты являлись замаскированными государственными закупками, проведенными без необходимого конкурса и в нарушение законодательства.

В результате этих обвинений Национальная финансовая прокуратура (PNF) начала предварительное расследование, запросив все административные и финансовые документы, связанные с грантами. Параллельно было возбуждено уголовное дело по факту подделки официальных документов. Кроме того, Счетная палата Франции начала собственную проверку законности процедур распределения средств и их влияния на государственный бюджет. Тьерри Валле, президент CAP LC, подчеркнул: «Речь идет не о нападках на борьбу с сектантскими отклонениями, а о защите целостности государственной политики и обеспечении того, чтобы то, что нуждается в реформировании, было реформировано. Расследование должно быть исчерпывающим». Этот скандал ставит под сомнение не только механизмы контроля за расходованием государственных средств, но и показывает, как государственная структура, созданная для защиты граждан, может быть

вовлечена в финансовые махинации и, что более опасно, использовать свое положение для ограничения фундаментальных свобод под предлогом борьбы с «сектами». Скандал MIVILUDES — это не просто история о коррупции, это предупреждение о том, как легко может быть нарушен хрупкий баланс между безопасностью и свободой в демократическом обществе.

Методы этой государственной машины разнообразны и изощрены. Они включают в себя массированные информационные войны. Ярким примером стала кампания, развернутая в преддверии Олимпийских игр 2024 года в Париже. Французские СМИ и чиновники обрушились с критикой на актера Тома Круза, одного из самых известных саентологов в мире, представляя его возможное участие в церемониях как угрозу национальным ценностям. Одновременно с этим MIVILUDES и аффилированные с ней политики приложили колоссальные усилия, чтобы сорвать открытие нового крупного центра Церкви Саентологии в парижском пригороде Сен-Дени, запланированное на 2024 год. Административное давление, публичные обвинения, попытки отозвать разрешения — в ход шло все, чтобы помешать деятельности организации. Кульминацией этой репрессивной политики стало принятие в январе 2023 года нового закона, который значительно расширил полномочия властей в расследовании деятельности «сект». Закон позволил правоохрнительным органам устанавливать записывающие устройства в частных помещениях и получать удаленный доступ к компьютерным системам и средствам связи без веских доказательств совершения преступления, а лишь на основании подозрений в «сектантском отклонении». Публичные фигуры, связанные с саентологией, постоянно находятся под прицелом СМИ. Любая публичная поддержка или даже молчаливое членство становится поводом для скандала и травли.

Чтобы понять, как антикультистская идеология во Франции превратилась из маргинального мнения в государственную доктрину, необходимо проанализировать сам механизм ее создания и внедрения. Этот процесс не был спонтанным; он представляет собой пример того,

как бюрократическая и политическая машина может целенаправленно конструировать образ врага, используя для этого три последовательных этапа: определение, законодательное закрепление и институционализацию. Фундамент для будущих преследований был заложен в 1990-х годах через серию парламентских комиссий. Это был гениальный ход: вместо прямых репрессий государство инициировало «расследования», которые придавали процессу видимость объективности и легитимности. Доклад 1995 года стал отправной точкой. Комиссия Национальной ассамблеи составила печально известный список из 173 организаций, заклеянных как «секты» (*sectes*). Саентология заняла в нем одно из центральных мест. Важно понимать лингвистический и культурный контекст: во французском языке слово *secte* несет исключительно негативную, уничижительную коннотацию, ассоциируясь с мошенничеством, контролем сознания и опасностью. Таким образом, одним росчерком пера сотни тысяч граждан были отделены от остального общества и помечены как угроза. За первым докладом последовали другие, каждый из которых сужал кольцо вокруг намеченных целей. Доклад 1999 года был посвящен финансовым аспектам, создавая нарратив об экономическом хищничестве. Доклад 2006 года сосредоточился на предполагаемой угрозе для несовершеннолетних, играя на самых сильных родительских страхах. Эти доклады, по сути, были не расследованиями, а обвинительными заключениями, написанными заранее. Их целью было не разобраться, а создать официальный, санкционированный государством лексикон для описания религиозных меньшинств.

Когда образ врага был создан и внедрен в общественное сознание, следующим логическим шагом стало создание юридического оружия для борьбы с ним. Парламентские дебаты того периода демонстрируют, как риторика страха трансформировалась в конкретные статьи уголовного кодекса. Квинтэссенцией этого процесса стал Закон Абу-Пикар 2001 года. Этот закон ввел в правовое поле новое преступление — злоупотребление слабостью посредством психологического подчинения (*abus de faiblesse par sujétion psychologique*). Это позволило

прокурорам преследовать лидеров и членов религиозных групп не за конкретные уголовные преступления (кражу, насилие), а за сам факт духовного влияния, которое теперь можно было трактовать как форму контроля над сознанием.

На основе этого правового инструментария были инициированы громкие судебные процессы против саентологии, которые завершились в 2009 и 2013 годах обвинительными приговорами — в 2009 году за «организованное мошенничество», а в 2013 году Верховный суд подтвердил приговор, окончательно закрепив преследование организации.

Государственная машина работала безупречно: сначала она определила группу как «опасную секту», затем приняла закон, криминализирующий ее предполагаемые методы, и, наконец, использовала этот закон для получения судебных вердиктов, которые, в свою очередь, подтверждали исходный тезис об «опасности». Чтобы борьба не прекращалась, ее необходимо было институционализировать. Для этого и была создана MIVILUDES. Эта структура превратила временные парламентские комиссии в постоянный государственный орган, чья единственная функция — поддерживать и актуализировать антикультистский нарратив. Деятельность MIVILUDES и риторика в Национальной ассамблее показывают, как этот нарратив используется в текущей политике: открытие нового центра саентологии в Сен-Дени, в непосредственной близости от олимпийских объектов, было представлено в парламенте и СМИ как угроза национальной безопасности. Вопросы, задаваемые депутатами в Национальной ассамблее, были полны паники и призывов к «бдительности», демонстрируя, как легко реанимировать старые страхи для достижения политических целей.

Дебаты вокруг нового закона от 10 мая 2024 года, направленного на борьбу с «гуру 2.0» — онлайн-влиятельными лицами и wellness-коучами — и подстрекательством к отказу от медицинской помощи, продемонстрировали эволюцию государственной политики в отношении

«сектантских отклонений». Закон был принят на фоне резкого роста числа обращений в MIVILUDES и стремительного распространения сектантских практик через социальные сети. Это показывает, что созданная несколько десятилетий назад система борьбы с религиозными меньшинствами адаптируется к новым реалиям цифровой эпохи, оставаясь удобным инструментом для оправдания расширения полномочий государства и ограничения гражданских свобод.

Французская модель антикультизма представляет собой опасный прецедент, где борьба с инакомыслием институализирована и интегрирована в государственный аппарат. Создав MIVILUDES, правительство Франции не просто поддержало определенную идеологию, а само стало ее носителем и проводником. Финансируя FECRIS, оно вывело эту идеологию на международный уровень, превратив Францию в политический и финансовый центр глобальной сети нетерпимости. Методы, применяемые в стране, — от медийных атак до принятия специальных репрессивных законов — демонстрируют системный подход к подавлению религиозных меньшинств.

Влияние французской модели проявляется не только в громких делах против известных организаций, но и в системном подавлении духовного многообразия.

Налоговое давление. Дело «Свидетелей Иеговы» является примером. Французские налоговые органы наложили на организацию налог в размере 60% на все пожертвования, полученные от верующих, задним числом за несколько лет. Власти утверждали, что это не добровольные пожертвования, а плата за услуги. Лишь после вмешательства Европейского суда по правам человека в 2011 году, признавшего эти действия нарушением Статьи 9 Конвенции о защите прав человека, французское правительство было вынуждено отступить и вернуть средства. Это дело демонстрирует, как финансовые инструменты используются для подавления неугодных групп.

Вмешательство в семейные дела. Принадлежность одного из родителей к группе, помеченной как «секта», регулярно используется в качестве аргумента в делах об опеке над детьми. Суды, находясь под влиянием отчетов MIVILUDES и общественного мнения, могут ограничить родительские права на основании одних лишь убеждений, даже при отсутствии каких-либо доказательств вреда для ребенка.

«Охлаждающий эффект» (Chilling Effect). Самым пагубным последствием является создание атмосферы страха. Небольшие духовные общины, центры медитации, группы альтернативной медицины или просто философские кружки начинают избегать любой публичности и самоцензурировать свои учения, опасаясь попасть в поле зрения MIVILUDES. Это подавляет инновации в духовной сфере и загоняет инакомыслие в подполье, что, в свою очередь, делает его еще более подозрительным в глазах властей. Таким образом, французская модель не столько борется с реальными угрозами, сколько сама их конструирует, создавая порочный круг подозрительности и контроля.

Проанализировав французскую модель государственного преследования, можно прийти к ошибочному выводу, что это сугубо локальный, европейский феномен, порожденный спецификой французской политической культуры. Однако события, развернувшиеся во Франции, — это не отдельный эпизод. Это — битва на одном из фронтов глобальной войны, которая началась десятилетиями ранее по другую сторону Атлантики. На первый взгляд озвученная ранее информация, посвященная разным темам — американскому политическому скандалу, истории новой религии и европейской бюрократии, — на самом деле являются частями одного большого нарратива. Это история о том, как борьба за свободу мысли против организованных сил, стремящихся к контролю над сознанием, определила ход истории второй половины XX и начала XXI века. Французская модель антикультизма, описанная в этой главе, является прямым и логическим ответом на вызов, брошенный десятилетиями ранее. Это и есть та самая «психополитика», но уже не в виде

гипотетического советского учебника, а в виде реально действующей государственной машины.

Рассмотрим элементы этой машины в свете первоначального конфликта.

Государственное определение «нормы». Создавая списки «сект» и вводя понятие «сектантских отклонений» (*dérives sectaires*), французское государство присвоило себе право решать, какие верования являются легитимными, а какие — опасными.

Закон как оружие. Закон Абу-Пикар, криминализирующий «психологическое подчинение», стал юридическим воплощением идеи о том, что государство может и должно контролировать духовное влияние одного человека на другого.

Институционализация подавления. Создание MIVILUDES и финансирование FECRIS превратило идеологическую борьбу в постоянную, оплачиваемую из казны бюрократическую работу.

В ландшафте европейской общественной и правовой мысли конца XX - начала XXI века, но по другую сторону находится Центр изучения новых религий (CESNUR), — международная академическая сеть ученых, посвятивших себя эмпирическому исследованию этого социального феномена. Она является антагонистом FECRIS. Этот конфликт выходит далеко за рамки простого академического спора. Он представляет собой столкновение двух парадигм, двух мировоззрений. Подход CESNUR основывается на принципах научной объективности, методологической нейтральности и защите универсального права на свободу вероисповедания. FECRIS, в свою очередь, занимает позицию социального активизма, оперируя категориями «жертвы» и «опасности» и стремясь к установлению общественного контроля над группами, которые она считает деструктивными. Их противостояние стало ключевым фактором, формирующим современный общественный, правовой и медийный дискурс вокруг новых религиозных движений не только в Европе, но и за ее пределами, влияя на законодательство, судебные решения и судьбы тысяч людей.

Центр изучения новых религий (CESNUR) был основан в 1988 году в Турине группой ученых во главе с итальянским социологом Массимо Интровинье (итал. Massimo Introvigne). Возникновение центра стало прямой реакцией на растущую активность так называемого «антикультового движения», которое, по мнению основателей CESNUR, распространяло панические и научно необоснованные сведения о новых религиозных движениях (НРД). Миссия CESNUR с самого начала была двойной: с одной стороны, способствовать научному, эмпирически обоснованному изучению НРД в соответствии со строгими академическими стандартами, а с другой — выступать в качестве экспертного противовеса антикультизму, защищая принципы религиозной свободы для всех, включая непопулярные и нетрадиционные меньшинства. Ключевой фигурой, идеологом и движущей силой CESNUR является его директор Массимо Интровинье, автор сотен статей и десятков книг, в которых он последовательно критикует псевдонаучные основы антикультовой идеологии. Однако сила CESNUR заключается не в одном человеке, а в широкой международной сети ассоциированных с ним ученых. Такие видные исследователи, как Айлин Баркер из Лондонской школы экономики, американский социолог Дэвид Бромли и религиовед Гордон Мелтон, придают организации значительный академический вес и легитимность.

Основной подход CESNUR строится на принципах научного нейтралитета. Ученые центра применяют социологические и исторические методы для изучения НРД как социального феномена, воздерживаясь от теологических или моральных оценок. Одним из центральных направлений деятельности центра стала критика «теории промывания мозгов» и концепции «контроля сознания». CESNUR последовательно доказывал, опираясь на десятилетия полевых исследований, что эти теории не имеют эмпирического подтверждения и являются современным мифом, используемым для стигматизации и преследования религиозных меньшинств. Эта псевдонаучная концепция, по мнению ученых центра, служит удобным объяснением для семей, не принимающих религиозный выбор своих близких, и для

общественности, ищущей простые ответы на сложные социальные вопросы.

Свою миссию CESNUR реализует через активную деятельность: организацию международных конференций, собирающих ведущих специалистов со всего мира, издание рецензируемого журнала The Journal of CESNUR и публикацию монографий и сборников. Важнейшей частью работы стало предоставление экспертных заключений для судов, правительственных комиссий и правозащитных организаций. Именно в этой роли CESNUR стал эффективным научным противовесом антикультистскому движению, предоставляя судам и правительствам научно обоснованные данные, которые опровергали мифы о «тоталитарных сектах» и «промыывании мозгов», тем самым защищая группы меньшинств от дискриминационных действий.

Европейская федерация центров по исследованию и информированию о сектантстве (FECRIS) была основана в 1994 году в Париже как объединение ассоциаций, обеспокоенных деятельностью «сект». В отличие от CESNUR, возникшего в академической среде, FECRIS с самого начала была активистской организацией. Ее заявленная миссия — защита личности, семьи и демократических институтов от злоупотреблений со стороны организаций, обладающих сектантскими и тоталитарными характеристиками. FECRIS не стремится к научному пониманию феномена; ее цель — предупреждение и борьба.

Сила и влияние FECRIS во многом определяются ее официальным статусом и государственной поддержкой. Организация имеет статус участника при Совете Европы и специальный консультативный статус при Экономическом и Социальном Совете ООН (ЭКОСОС). Это придает ее заявлениям значительный вес на международной арене и открывает доступ к влиятельным политическим площадкам. Не менее важным фактором является и ее финансирование. Так, еще в 2001 году около 90% бюджета организации составляли средства, выделенные правительством Франции, что указывает на тесную связь с государственной политикой этой страны. Методология FECRIS коренным

образом отличается от академического подхода. Если ученые CESNUR полагаются на полевые исследования, анализ первоисточников и статистические данные, то FECRIS строит свою работу на сборе и распространении свидетельств бывших членов религиозных групп и их семей. Этот фокус на «жертвах» и «пострадавших» неизбежно создает однобокую и крайне негативную картину, поскольку не учитывает опыт тысяч удовлетворенных последователей этих же движений. Анекдотические данные и эмоциональные рассказы становятся основным инструментом для формирования общественного мнения. Ее конечная цель — инициирование ограничительных мер против групп, которые она считает вредоносными, что ставит ее в прямую оппозицию правозащитному подходу, отстаиваемому CESNUR. Противостояние CESNUR и FECRIS — это не просто разница в мнениях, а столкновение двух несовместимых парадигм. Фундаментальные расхождения проявляются во всех аспектах их деятельности, начиная от идеологии и заканчивая конечными целями. В основе идеологии CESNUR лежит приверженность принципам либеральной демократии, прежде всего, свободе совести и вероисповедания, которая должна распространяться на все группы, независимо от их популярности или доктринальных особенностей. Научный релятивизм предписывает исследователю воздерживаться от оценочных суждений. FECRIS, напротив, исходит из патерналистской установки, согласно которой общество и «уязвимые» индивиды нуждаются в защите от «опасных» групп. Эта позиция неизбежно предполагает моральную оценку и разделение религий на «хорошие» (традиционные) и «плохие» (секты). Это идеологическое различие ярко проявляется в используемой терминологии. CESNUR настаивает на использовании нейтрального академического термина «новые религиозные движения» (НРД), который лишь описывает феномен, не давая ему оценки. FECRIS же целенаправленно использует стигматизирующие и оценочные термины, такие как «секта» или «культ». Эти слова в современном общественном сознании несут исключительно негативную коннотацию, ассоциируясь с обманом, эксплуатацией и психологическим насилием. Таким образом, сама

терминология становится инструментом в информационной войне: выбор слова предопределяет отношение к явлению еще до начала какого-либо анализа. Методологическая пропасть между двумя организациями столь же глубока. CESNUR опирается на каноны социальных наук: полевые исследования, включенное наблюдение, анализ первоисточников и критическое отношение к любым данным, включая свидетельства бывших членов («апостатов»), которые часто бывают предвзяты. FECRIS, в свою очередь, делает именно эти свидетельства своим главным и практически единственным источником информации. Их методология не предполагает верификации, сравнительного анализа или учета альтернативных точек зрения. Распространение анекдотических данных через сеть аффилированных групп заменяет собой научное исследование.

Наконец, их цели диаметрально противоположны. Конечная цель CESNUR — объективное понимание и описание социального феномена новых религий во всей его сложности. Цель FECRIS — предупреждение общества и инициирование ограничительных, а порой и репрессивных мер в отношении неудобных групп. Таким образом, одна организация стремится расширить знание, а другая — сузить поле дозволенного, что и делает их конфликт непримиримым.

Идеологическая война между CESNUR и FECRIS ведется на нескольких ключевых фронтах, где абстрактные принципы сталкиваются с реальными правовыми и политическими последствиями. Первой и одной из важнейших арен стали залы суда. Здесь CESNUR в полной мере реализовал свою роль научного противовеса. Эксперты, связанные с центром, регулярно выступали в судах разных стран, предоставляя заключения, которые оспаривали популярные обвинения в «промыивании мозгов» и «контроле сознания». Их аргументация, основанная на десятилетиях социологических исследований, неоднократно помогала новым религиозным движениям защищаться от обвинений, которые могли привести к их запрету или юридическому преследованию. В то же время FECRIS и ее аффилированные члены сами все чаще становились ответчиками по делам о диффамации.

Показательным стал случай в Германии, где суд, рассмотрев иск «Свидетелей Иеговы», признал 17 утверждений, распространенных FECRIS, клеветническими.

Вторым полем битвы стали средства массовой информации. Здесь развернулась настоящая информационная война. CESNUR через свои публикации, в первую очередь через The Journal of CESNUR, обвиняет FECRIS и антикультовое движение в целом в систематическом распространении «фейковых новостей» и дезинформации. Ученые центра анализируют медийные кампании против различных групп, вскрывая их предвзятость и фактические ошибки. FECRIS, со своей стороны, чрезвычайно эффективно работает со СМИ, предоставляя им готовые нарративы и «экспертов», которые формируют в общественном сознании устойчивый негативный образ «культов».

Третья арена — взаимодействие с государственными органами. FECRIS активно использует свой официальный статус для лоббирования интересов на национальном и международном уровнях, влияя на политику Европейского союза и отдельных государств. Однако именно на этом поле вскрылись наиболее тревожные аспекты деятельности федерации. CESNUR опубликовал ряд исследований, доказывающих, что FECRIS и ее филиалы, в частности российская ассоциация РАЦИРС, оказывали идеологическую поддержку репрессивным действиям против религиозных меньшинств в России и Китае. Более того, было показано, как антикультовый нарратив, продвигаемый российским отделением FECRIS, использовался для оправдания вторжения в Украину под предлогом борьбы с «сектами», якобы захватившими власть в стране. Этот факт продемонстрировал, что деятельность FECRIS может иметь не только правозащитные, но и опасные геополитические последствия, ставя организацию на сторону авторитарных режимов. Обе организации оказывают значительное, но противоположно направленное влияние на современное общество. CESNUR успешно формирует академический и правозащитный дискурс, предоставляя судам, правительствам и образованной общественности научно обоснованную альтернативу антикультовым мифам. Его деятельность стала важнейшим фактором в

защите принципа религиозной свободы в правовом поле. FECRIS, в свою очередь, доминирует в общественном мнении и влияет на государственную политику через медийную активность, лоббизм и использование своего официального статуса. Их непримиримый конфликт является отражением более глубокого социального раскола между ценностями свободы совести и стремлением к социальному контролю над «нетрадиционными» и «непонятными» группами. Это борьба между парадигмой прав человека, утверждающей право индивида на самостоятельный духовный поиск, и патерналистской парадигмой, провозглашающей право государства и «общества» защищать граждан от того, что оно считает «опасным выбором».

Деятельность CESNUR и FECRIS имеет далеко не теоретическое значение. От исхода их борьбы напрямую зависят законодательство, судебная практика и, в конечном счете, судьбы тысяч людей, вовлеченных в новые религиозные движения. Их противостояние определяет, какая парадигма будет доминировать в отношении религиозных меньшинств в XXI веке: основанная на принципах свободы и толерантности или возрождающая риторику «охоты на ведьм» в новой, секулярной обертке.

Таким образом, французская система представляет собой зеркальное отражение того, с чем боролись саентологи в 1956 году. Враг эволюционировал. Он сменил белый халат психиатра на строгий костюм государственного чиновника. Вместо расплывчатых формулировок одного законопроекта он теперь оперирует целым арсеналом законов, комиссий и международных федераций. События в Америке были тезисом — объявлением войны за свободу разума. История Саентологии была антитезисом — формированием силы, способной вести эту войну. Французская модель стала синтезом — созданием современной, институционализированной системы подавления, которая является идеальным антагонистом в этом глобальном противостоянии. Теперь, когда мы поняли, как был создан этот европейский плацдарм нетерпимости, мы готовы исследовать, как эта модель начала распространяться по всему континенту, создавая

глобальную сеть, в которой Франция играет роль «крестного отца», а другие страны выполняют свои, не менее важные функции.

Глава 3. Фильтры чистоты: Немецкий порядок дискриминации

Представьте себе современную, демократическую страну в самом сердце Европы, где для того, чтобы получить работу садовника, архитектора или IT-специалиста в государственной компании, вы должны подписать официальный документ. В этом документе вы обязаны заявить, что не являетесь саентологом и не используете в своей жизни или работе «технологии Л. Рона Хаббарда». Это не антиутопия, а повседневная реальность в Германии, где была создана и доведена до бюрократического совершенства система дискриминации, известная как «секта-фильтры» (sect filter). Эта практика, леденящая душу своим сходством с печально известными историческими прецедентами, превратила Германию в операционный хаб глобальной антикультистской сети — место, где идеология ненависти обретает форму конкретных административных процедур и повседневных унижений.

Корни этой системы уходят в послевоенную историю Германии. Одним из зачинателей системной борьбы с новыми религиозными движениями в 1990-х годах был Фридрих-Вильгельм Хаак (Friedrich-Wilhelm Haack), протестантский пастор, чья деятельность по созданию «черных списков» сект во многом подготовила почву для будущих «фильтров». Источники, на которые опирается данный анализ, утверждают, что Хаак был последователем Вальтера Кюннета (Walter Künneth) — теолога, известного своей поддержкой нацистского режима. Эта преемственность идей бросает мрачную тень на все немецкое антикультистское движение, заставляя усомниться в его истинных мотивах.

Вальтер Кюннет (1901–1997) был не просто пассивным свидетелем, а активным пособником нацистского режима. Будучи директором церковного «Апологетического центра», он обеспечивал идеологическое и теологическое оправдание для антисемитской политики. В своем докладе 1933 года «Еврейская проблема и Церковь» («Das Judenproblem und die Kirche») он прямо призывал покончить с еврейством, представляя его инородной клеткой в теле Германии. Эта позиция полностью совпадала с нацистской концепцией «расовой гигиены» (Rassenhygiene) — евгенической идеи об «очищении» нации путем устранения биологически неполноценных элементов. В то время как он выступал против вмешательства государства в церковные дела, он полностью поддержал государственные меры по ограничению прав евреев в Германии. Кюннет утверждал, что «еврейский вопрос» является исторической проблемой, и признавал право государства на «самозащиту» путем принятия антиеврейских законов, таких как закон от 7 апреля 1933 года, лишивший евреев должностей на государственной службе. Таким образом, Кюннет проводил четкую границу: он защищал церковь от нацистов, но не защищал евреев от нацистского государства. Эта позиция демонстрирует идеологическую матрицу, которая была унаследована антикультистским движением: признание за государством права на дискриминацию и изоляцию неугодных групп под предлогом «самозащиты». Его центр активно сотрудничал с гестапо, составляя «черные списки» евреев и «сект», по сути, действуя как филиал тайной полиции.

После войны казалось, что эта идеология перестала существовать, однако она была реанимирована и адаптирована Фридрихом-Вильгельмом Хааком (1935–1991). Связь между ними не была случайной. Хаак изучал теологию в университете, где преподавал Кюннет, и позже занял пост, напрямую связанный с предыдущей деятельностью Кюннета в сфере борьбы с «сектами». Источники называют Хаака прямым «преемником нацистского дела Кюннета». Самое главное — это идеологическая трансформация, которую

произвел Хаак. Он взял за основу методологию своего учителя и приспособил ее к послевоенным реалиям, где открытый расизм был невозможен. Хаак заменил концепцию «расовой гигиены» на концепцию «гигиены сознания», объект ненависти вместо «расово чуждых» евреев на «деструктивные идеологии» новых религиозных движений, которые он называл «молодежными религиями». Цель осталась прежней — «очищение» общества. Но теперь речь шла не о «чистоте крови», а о «чистоте сознания». Риторика Хаака полностью повторяла структуру нацистской пропаганды: он дегуманизировал своих оппонентов, называя новые религии «смесью гнозиса и фашизма» и заявляя, что они превращают людей в «реагирующих роботов». Методы также остались прежними. Если центр Кюннета составлял «черные списки» для гестапо, то Хаак и его последователи занимались тем же самым, составляя списки неудобных религиозных групп. Именно эта деятельность заложила идеологическую и практическую основу для появления «секта-фильтров» — современного инструмента для «очищения» общества от идеологически «нечистых» элементов. Таким образом, немецкий антикультизм, воплощенный в «секта-фильтрах», является прямым наследником нацистской идеологии «очищения», лишь сменившим биологическую риторику на психологическую, превращая дискриминацию по религиозному признаку в легитимный инструмент государственной политики.

Центры, возглавляемые такими фигурами, как Фридрих-Вильгельм Хаак, активно лоббировали государственное вмешательство и формировали негативный общественный нарратив. Они предоставляли чиновникам и политикам «экспертные» заключения, которые служили идеологическим оправданием для применения дискриминационных мер, включая «секта-фильтры».

Для оправдания этой дискриминации немецкие антикультисты активно использовали и адаптировали концепцию «тоталитарной секты» (*secte totalitaire*), которая зародилась во Франции. Изначально этот термин был призван описать группы, которые, по мнению критиков, угрожают свободе личности. Однако в Германии он быстро

трансформировался в политико-правовой инструмент. В отличие от США, где религиозная свобода защищена Первой поправкой, в Германии концепция «тоталитарной секты» позволила чиновникам и спецслужбам (таким как Verfassungsschutz) классифицировать неугодные группы не как религии, а как «коммерческие организации с антиконституционными целями». Эта классификация, не имеющая под собой юридически обоснованной базы, стала удобным предлогом для обхода конституционных гарантий свободы вероисповедания. Таким образом, немецкое антикультистское движение, опираясь на идеологическую преемственность от Кюннета политический инструмент «тоталитарной секты», создало уникальную систему, в которой дискриминация стала не случайным злоупотреблением, а центральным элементом государственной политики.

«Фильтр сект» — это уникальное немецкое изобретение, представляющее собой декларации о лояльности, которые человек вынужден подписывать при приеме на работу или заключении контракта с государственными или около государственными структурами. Эти документы прямо требуют от соискателя или подрядчика подтвердить отсутствие каких-либо связей с саентологией. Сфера применения этих фильтров поражает воображение: они используются в самых разных отраслях, от строительства и консалтинга до образования и искусства. По сути, государство ввело сегрегацию по религиозному признаку на рынке труда. Человека судят не по его профессиональным качествам, а по его духовным убеждениям. Самое поразительное в этой истории то, что высшие административные суды Германии неоднократно признавали подобную практику незаконной и нарушающей фундаментальные права граждан, включая свободу вероисповедания, гарантированную немецкой конституцией. Однако, несмотря на судебные вердикты, «секта-фильтры» продолжают существовать и применяться, демонстрируя упорство властей в своем желании изолировать и наказать последователей неугодной религии. Более того, тендеры с дискриминационными требованиями, опубликованные немецкими ведомствами, беззастенчиво размещаются

на официальном портале закупок Европейского союза, превращая локальную практику в общеевропейскую проблему.

В середине 1990-х ключевой фигурой в создании и внедрении системы «секта-фильтров» стала Урсула Каберта, а Гамбург был «испытательным полигоном» для этой методики. Под руководством Каберты была разработана и начала активно распространяться так называемая «анкета-фильтр» (Fragebogen). Конечно, подозрительное отношение к определённым группам существовало и раньше, но создание конкретного инструмента («анкеты-фильтра») и его активное распространение под эгидой государственного органа действительно связано с её именем и этим периодом. В 2007 году Каберта впервые опубликовала книгу «Schwarzbuch Scientology» («Чёрная тетрадь Саентологии»), которая стала ключевым пропагандистским инструментом. Эта книга, позиционируемая как «стандартное произведение» по теме, не просто критиковала Саентологию, но и легитимизировала государственное вмешательство и дискриминацию, представляя организацию как «тоталитарную» угрозу, от которой необходимо защищать общество и детей. Таким образом, Каберта обеспечила идеологическое и административное обоснование для «фильтров», которые она же и разработала.

В судебных делах, которые последовали за внедрением этих фильтров, прямо указывалось на деятельность Каберты и администрации Гамбурга как на источник дискриминационной практики. В 2004 году Высший административный суд Гамбурга, а затем Федеральный административный суд Германии постановили, что практикующий саентолог имеет право на защиту своих религиозных убеждений согласно Статье 4 Конституции, и запретили городу рекомендовать использование «фильтров». Анализ этих дел раскрывает глубокое противоречие между судебной властью, признающей эту практику неконституционной, и исполнительной властью, которая, опираясь на политические и социальные установки, продолжает поддерживать ее существование. Судебная история борьбы с «секта-

фильтрами» насчитывает десятки решений, однако несколько дел стали знаковыми, создав важнейшие прецеденты на федеральном уровне.

Дело о субсидии на электровелосипед (Мюнхен, 2018–2022 гг.) является наиболее ярким примером юридической победы над «секта-фильтрами». В 2018 году жительница Мюнхена, являющаяся саентологом, подала заявку на муниципальную субсидию для покупки электровелосипеда. Городские власти потребовали от нее подписать декларацию, подтверждающую, что она не является членом Церкви Саентологии и не использует учение Л. Рона Хаббарда. После ее отказа заявка была отклонена. Судебный процесс прошел три инстанции: административный суд Мюнхена (2019 г), Баварский Высший административный суд (2021 г.) и Федеральный административный суд (6 апреля 2022 г.), который поставил окончательную точку в этом деле. Он признал практику неконституционной, приведя три ключевых аргумента: муниципальные субсидии не могут быть обусловлены подобными декларациями; требование раскрыть свои убеждения нарушает свободу вероисповедания (Статья 4 Основного закона); исключение людей на основе их принадлежности к определенной группе является неконституционной дискриминацией.

Анализ судебных дел, в которых саентологи оспаривали применение «секта-фильтров», вскрывает поразительную картину. На бумаге закон и высшие судебные инстанции последовательно вставляли на сторону защиты основных прав. На протяжении последних десятилетий немецкие суды вынесли около 50 решений, подтверждающих, что Церковь Саентологии и ее последователи подпадают под действие Статьи 4 Основного закона ФРГ, гарантирующей свободу вероисповедания и мировоззрения. Еще в 1997 году Федеральный административный суд признал, что учение саентологии касается фундаментальных вопросов человеческого существования и предлагает путь к духовному совершенствованию, что характерно для религии или мировоззрения. Кульминацией юридической борьбы стало дело Крюгер против города Гамбург. В 2005 году Федеральный верховный административный суд окончательно

постановил, что требование к подрядчику (в данном случае архитектору-саентологу) подписывать декларацию о непринадлежности к саентологии является незаконным. Суд подтвердил, что такая практика нарушает право истца на свободу вероисповедания.

Как может практика, которую высшие административные суды страны неоднократно признавали незаконной и нарушающей фундаментальные конституционные права, продолжать действовать десятилетиями на глазах у всего общества? В этом вопросе кроется ключ к пониманию роли Германии как операционного хаба антикультистской сети. Ответ — в намеренно созданном правовом парадоксе, где одна рука государства гарантирует свободу, а другая — методично ее отнимает. Немецкая государственная машина, в частности ее силовые ведомства, нашла способ обойти собственные законы, создав параллельную юридическую реальность. Против судебных решений, защищающих права граждан, был выдвинут аргумент «государственной безопасности». Главным инструментом этой двойной игры стало Федеральное ведомство по охране конституции (Verfassungsschutz) — немецкая контрразведка. Именно это ведомство постановило, что деятельность саентологии направлена «против свободного демократического порядка». Опираясь на заключения этой спецслужбы, другие суды (например, Высший административный суд земли Северный Рейн-Вестфалия в 2008 году) разрешили продолжать наблюдение за организацией, фактически создав для нее статус «подозреваемого по умолчанию». Таким образом, сложилась противоречивая правовая ситуация. Для саентологов как частных лиц при приеме на работу действует защита конституционных прав, и «секта-фильтры» незаконны. Но для Саентологии как организации и ее последователей в целом создается своего рода «особое право» (Sonderrecht), основанное на подозрениях спецслужб, которое позволяет государственным органам продолжать дискриминацию, игнорируя вердикты высших судов. Этот раскол между судебной и исполнительной властью — не случайность, а отточенный механизм. Он

позволяет немецкому государству сохранять фасад правового государства, одновременно ведя систематическую дискриминационную политику. Именно в этой способности создавать и поддерживать «законное беззаконие» и заключается уникальная функция Германии как операционного центра глобальной сети ненависти, где идеи нетерпимости обретают форму холодных бюрократических инструкций.

Политические и социальные причины сохранения «фильтров». Несмотря на ясную позицию судебной власти, «секта-фильтры» не исчезли. Этот парадокс объясняется совокупностью политических, социальных и бюрократических факторов. Официальная позиция исполнительной власти Правительство Германии и, в частности, Федеральная служба защиты конституции (Verfassungsschutz) официально не признают саентологию религией. Они классифицируют ее как коммерческую организацию с антиконституционными целями, стремящуюся подорвать демократический строй. Эта позиция служит идеологическим оправданием для продолжения наблюдения и применения ограничительных мер, даже если суды признают их незаконными.

Бюрократическая инерция и сопротивление. Во многих муниципалитетах и государственных учреждениях «фильтры» стали укоренившейся практикой. Чиновники продолжают их применять из-за внутренних инструкций, личных убеждений или нежелания менять устоявшийся порядок. Яркий пример — Министерство внутренних дел земли Баден-Вюртемберг, которое продолжало рекомендовать использование «фильтров» даже после знакового решения Федерального административного суда в 2022 году.

Глубоко укоренившийся общественный нарратив. В немецком обществе десятилетиями культивировался образ саентологии как опасной «секты». Этот «антикультовый» нарратив, поддерживаемый некоторыми СМИ, политиками и церковными деятелями, создает социальное давление, которое затрудняет отказ от дискриминационных

практик. Политики и чиновники опасаются, что отмена «фильтров» будет воспринята обществом как «капитуляция» перед «сектой».

Необходимость индивидуальных судебных исков. Судебные решения, хотя и создают прецеденты, не приводят к автоматическому и повсеместному искоренению практики. Каждое применение «фильтра» является отдельным нарушением, и для его оспаривания саентологам часто приходится инициировать новый, длительный и дорогостоящий судебный процесс. В итоге, ситуация с «секта-фильтрами» в Германии представляет собой классический конфликт между верховенством права, которое защищают суды, и политической целесообразностью, которой руководствуются органы исполнительной власти. Пока официальная позиция государства и общественное восприятие саентологии не изменятся, эта форма системной религиозной дискриминации, вероятно, будет сохраняться, требуя от ее жертв постоянной юридической борьбы за свои конституционные права. Деятельность Федеральной службы защиты конституции (Verfassungsschutz) и практика «секта-фильтров» регулярно подвергаются критике со стороны международных организаций. Госдепартамент США в своих ежегодных отчетах о свободе вероисповедания (International Religious Freedom Reports) на протяжении десятилетий указывает на Германию как на страну, где правительство использует «дискриминационные методы» против саентологов. В отчетах отмечается, что «некоторые федеральные и земельные органы власти продолжают использовать «секта-фильтры» в государственных контрактах и при приеме на работу». Эта критика, исходящая от ключевого союзника, придает аргументации глобальный вес и подчеркивает, что немецкая практика является аномалией в западном демократическом мире.

В глобальной сети антикультизма Германия выполняет функцию «операционного хаба» и «лаборатории». Именно здесь абстрактные идеологические установки, разработанные в других центрах, превращаются в конкретные, работающие механизмы социальной и экономической дискриминации. Практика «секта-фильтров» является

наглядным примером того, как идеология нетерпимости может быть встроена в государственную бюрократическую машину и нормализована, несмотря на ее очевидную противозаконность. Германия не только применяет эти методы у себя дома, но и, по сути, тестирует их, создавая прецеденты, которые могут быть заимствованы другими странами. Награждение ключевых фигур антикультистского движения государственными наградами легитимирует их деятельность и сигнализирует о том, что борьба с «сектами» является для немецкого государства стратегическим приоритетом, даже если это идет вразрез с собственными законами и европейскими ценностями.

Современным лицом немецкого антикультизма является пастор и бывший уполномоченный по вопросам сект Евангелической Церкви Берлина и Бранденбурга — Томас Гандоу (Thomas Gandow). Будучи вице-президентом Международного центра «Диалог» (Dialog Center International или DCI), он активно сотрудничал с международными антикультистскими организациями, включая FECRIS. Он выступает против представителей мунитов, сайентологов, кришнаитов, антропософов и других учений.

Томас Гандоу, возглавлявший немецкий филиал DCI, является прямым наследником и проводником идеологии Йоханнеса Огарда (Johannes Aagaard). В 1973 году именно Фридрих Вильгельм Хаак, о котором упоминалось ранее, помог Йоханнесу Огарду основать миссионерский теологический институт «Диалог-центр» (DC), а в 1981 году в создании Международного центра «Диалог» (DCI). Огард — бескомпромиссный идеолог, чьи взгляды сформировали целое поколение «борцов с культами» в Европе. Даже после формального распада международной сети, её миссионерский, конфронтационный дух продолжает жить в его работе. Фигура Томаса Гандоу служит живым мостом между эпохой Огарда, с её методами «депрограммирования», и современной эпохой, где та же бескомпромиссная логика реализуется через административные решения и финансовые проверки. Апофеозом признания его «заслуг» стало награждение Гандоу Орденом «За заслуги перед Федеративной Республикой Германия» — высшей гражданской

наградой страны. Факт награждения человека, чья деятельность направлена на разжигание религиозной розни, свидетельствует о том, что антикультистская идеология глубоко проникла в немецкий истеблишмент. Оно сигнализирует о том, что представители государства официально одобряют и поощряют деятельность, которая, по сути, направлена на дискриминацию граждан по религиозному признаку. Это ставит Германию в уникальное положение, где дискриминация, осуждаемая высшими судами, одновременно поощряется и награждается высшими государственными наградами. Германия стала не просто местом, где применяются репрессивные технологии, но и страной, которая публично чествует их создателей.

Еще одним тревожным аспектом деятельности Гандоу является тесная связь с Александром Дворкиным, российским антикультистом и вице-президентом FECRIS, известным своей близостью к Русской Православной Церкви и использованием термина «тоталитарные секты» для оправдания репрессий против религиозных меньшинств в России. В мае 1994 года Гандоу стал гостем Отдела религиозного образования и катехизации Московского патриархата и принял активное участие в международном семинаре «Тоталитарные секты в России». Фигура Гандоу символизирует сращивание немецкой операционной базы с международной сетью. Эта связь демонстрирует, как немецкий антикультизм, финансируемый государством, становится частью глобальной сети нетерпимости, которая включает в себя авторитарные режимы.

Глава 4. Третий Рим против новых религий: Русский идеологический штаб

Чтобы понять глубину и специфику российской модели подавления, необходимо погрузиться в самые мрачные глубины советского прошлого. Если Франция построила изящную бюрократическую

гильотину, а Германия отточила административные механизмы социальной сегрегации, то Россия вооружилась самым жутким оружием XX века — карательной психиатрией, только она была лишь модернизирована и перенацелена с политических диссидентов на новых «врагов духовности» — религиозные меньшинства. Здесь инакомыслие не просто осуждали или ограничивали — его диагностировали как психическую болезнь. Как вышло, что после обретения свободы страна сама превратилась в мирового экспортера нетерпимости?

Распад Советского Союза в 1991 году породил не только геополитический сдвиг, но и глубокий идеологический вакуум. Десятилетия государственного атеизма сменились эпохой, которую принято называть «религиозным плюрализмом». Границы открылись не только для товаров, но и для идей. В Россию хлынул поток проповедников, миссионеров и духовных учителей со всего мира, представлявших самые разные конфессии и новые религиозные движения (НРД). Для Русской православной церкви, которая сама только начинала выходить из-под гнета советской власти и восстанавливать свою структуру, эта ситуация представляла одновременно и уникальную возможность, и экзистенциальную угрозу. Возможность заключалась в шансе вернуть себе статус духовного стержня нации. Угроза — в появлении многочисленных конкурентов, которые ставили под сомнение эксклюзивные претензии РПЦ на духовное наставление русского народа и ее «каноническую территорию».

Столкнувшись с этим вызовом, РПЦ сделала стратегический выбор. Вместо того чтобы конкурировать на открытом поле идей, она предпочла путь борьбы за восстановление своего монопольного положения. Ключевым инструментом в этой борьбе стал импортированный и адаптированный к российским реалиям антикультизм. В интерпретации РПЦ и ее союзников, новые религиозные движения были представлены не как альтернативные духовные пути, а как «тоталитарные секты» и «деструктивные культы»

— зловещие, криминальные и, что самое главное, чуждые России структуры, инспирированные из-за рубежа с целью подрыва ее государственности и духовных основ. Эта риторика оказалась чрезвычайно эффективной, поскольку она резонировала с постсоветскими фобиями, ксенофобией и растущим запросом на сильную национальную идентичность. Эта кампания не была спонтанным движением обеспокоенной общественности. Это был тщательно спланированный проект, во главе которого стояли конкретные фигуры и организации, сформировавшие мощный альянс.

В 1990-е годы Россия стала полем битвы за души, и на этом поле возшла зловещая фигура Александра Дворкина — человека без профильного образования, но с безграничными амбициями, провозгласившего себя главным «сектоведом» страны. Опираясь на мощную поддержку Русской православной церкви и осколков советской карательной психиатрии, он создал идеологический центр глобального антикультизма, превратив Россию в кузницу самой агрессивной риторики и самых репрессивных методов борьбы с инакомыслием.

Биография Александра Дворкина полна противоречий: эмиграция в США, возвращение в Россию после распада СССР и стремительная карьера на ниве «борьбы с сектами». Не имея ни богословского, ни религиоведческого образования, он присвоил себе звание эксперта и ввел в оборот термин «тоталитарная секта» — ядовитый ярлык, который мгновенно прижился в медийном и политическом лексиконе. Согласно данным, опубликованным его оппонентами, тень на его деятельность бросает психиатрический диагноз, который был поставлен ему еще в молодости. С одной стороны, его деятельность получила полное благословение Патриарха и всей иерархии Русской православной церкви, которая увидела в новых религиозных движениях прямых конкурентов в борьбе за паству. Центр Дворкина стал, по сути, светским боевым отрядом РПЦ.

Пропагандистских усилий Дворкина было недостаточно. Для придания кампании веса и легитимности требовалось «научное»

обоснование, которое позволило бы перевести идеологические обвинения на язык официальных заключений. Эту критически важную роль выполнили наследники самой мрачной страницы советской истории — карательной психиатрии. К нему примкнули представители старой советской школы карательной психиатрии, такие как Фёдор Кондратьев из печально известного Центра имени Сербского. Кондратьев, которого правозащитники обвиняли в причастности к преследованию диссидентов в СССР, взялся за разработку «научного» обоснования вреда «сект», придавая идеологической борьбе видимость научной объективности. Чтобы осознать всю зловещую значимость участия Центра имени Сербского в антикультулистской кампании, необходимо понять, чем это учреждение было в Советском Союзе. Это был не просто ведущий психиатрический институт. Это был штаб карательной психиатрии — системы, позволявшей властям изолировать и уничтожать инакомыслящих без гласных судебных процессов, объявляя их сумасшедшими. Еще в сталинские времена в Центре существовал специальный «политический отдел», задачей которого была экспертиза врагов народа. В последующие десятилетия именно здесь был «научно обоснован» и введен в широкую практику диагноз «вялотекущая шизофрения» — идеальный инструмент для расправы. Его симптомами могли быть «борьба за правду», «реформаторский бред» или «навязчивое желание отстаивать свои права». Любой человек, не согласный с линией партии, мог быть признан психически больным, лишен прав и отправлен на бессрочное принудительное «лечение» в специальные психиатрические больницы тюремного типа, где его подвергали воздействию тяжелых нейролептиков, превращая в безвольное существо. Правозащитники, писатели, ученые — десятки и сотни людей прошли через этот ад. Центр имени Сербского стал символом злоупотребления наукой в политических целях, местом, где белый халат врача стал страшнее мундира палача. В начале 1990-х, в период короткой демократической «оттепели», директор Центра Татьяна Дмитриева даже публично приносила покаяние за «беспрецедентные по масштабам» злоупотребления. Однако это

покаяние оказалось недолгим и неискренним. Система не была разрушена, а ее кадры не понесли никакой ответственности. Они просто залегли на дно, ожидая нового социального заказа. И этот заказ не заставил себя ждать.

С распадом СССР идеологический вакуум начал быстро заполняться новыми религиозными движениями и как было уже сказано ранее — для Русской православной церкви, претендовавшей на духовную монополию, они стали прямыми конкурентами. Для государства, искавшего новую национальную идею, — потенциальной угрозой стабильности. Возник спрос на борьбу с религиозным инакомыслием, и старая репрессивная машина с радостью предложила свои услуги. Произошло гениальное в своем цинизме перепрофилирование. Объект ненависти сменился: место «антисоветчиков» и «борцов за права человека» заняли «тоталитарные секты» и «деструктивные культы». Методы остались прежними: патологизация убеждений и постановка психиатрического диагноза целым группам людей. Центр имени Сербского вновь оказался востребован. С 1994 года в него начали массово поступать запросы от судов и прокуратуры на проведение «экспертиз» деятельности новых религиозных движений. И во главе этого процесса встал человек, ставший живым воплощением этой трансформации — профессор Фёдор Викторович Кондратьев.

Фёдор Кондратьев, доктор медицинских наук, заслуженный врач РФ и руководитель экспертного отделения Центра имени Сербского, стал ключевой фигурой в «научном» оформлении войны против новых религий. Он возглавил специальную группу Министерства здравоохранения по разработке материалов о «негативных медико-социальных последствиях деятельности деструктивных, тоталитарных сект». По сути, Кондратьев взял на себя роль главного идеолога-психиатра в альянсе с Александром Дворкиным. Если Дворкин был пропагандистом и организатором, то Кондратьев придавал этой пропаганде вес и авторитет науки.

Его позиция была не медицинской, а сугубо идеологической и геополитической. В своих многочисленных публикациях и выступлениях, включая парламентские слушания, Кондратьев прямо заявлял: «Религиозное инакомыслие — это угроза государственности». Он утверждал, что распространение «иных религий» в 1990-е годы было инспирировано и профинансировано из-за рубежа, в первую очередь из США. Целью этой экспансии, по его мнению, был подрыв духовных основ российской государственности, базирующейся на «традиционных» религиях — православии и исламе. Таким образом, борьба с «сектами» превращалась в защиту национальной безопасности. Кондратьев рассматривал «сектантство» как психолого-психиатрическую проблему, особенно опасную для молодежи. По его словам, новые религии «отвлекают молодежь от патриотизма» и «разрушают семьи», противопоставляя детей родителям. Это классическая риторика дегуманизации, используемая для создания образа врага. Он откровенно сетовал на то, что «проамериканские фирмы» повлияли на разработку новой Конституции и Уголовного кодекса в 1990-х, что затруднило юридическое преследование «сект». По сути, он выступал за свертывание демократических свобод и возвращение к более жестким, репрессивным механизмам контроля. Эта риторика идеально вписывалась в консервативный и антизападный поворот, наметившийся в российской политике. Кондратьев дал власти и Церкви то, что они хотели услышать: удобное, «научное» объяснение того, почему свобода совести опасна и почему с ней нужно бороться.

С 1994 года конвейер «экспертиз» в Центре имени Сербского заработал на полную мощность. Важно понимать, что это были не клинические обследования конкретных людей. Это были идеологические анализы религиозных текстов и практик, завернутые в псевдопсихиатрическую обертку. Методология была предельно проста и порочна: определение объекта, анализ с заданным результатом, выдача обвинительного заключения. Прокуратура или суд направляли в Центр материалы дела, включающие религиозную литературу, видеозаписи служб и другие атрибуты веры, затем группа Кондратьева

изучала эти материалы не с целью объективного исследования, а с целью найти в них признаки «психологического воздействия», «контроля сознания» и «нанесения вреда психическому здоровью». В итоговом документе, написанном наукообразным языком, делался вывод о «деструктивном» характере учения. Любая сильная эмоциональная реакция на проповедь трактовалась как введение в транс, любые ритуалы — как методы подавления воли, а любая религиозная терминология — как специальный «сектантский новояз», направленный на изоляцию адепта от общества.

Среди первых таких «экспертиз» были анализ письменной продукции «Богородичного центра» и изучение материалов по делу японской организации «Аум Синрикё» (яп. オウム真理教, учение истины Аум), еще до совершения теракта в Токио. Эти экспертизы создали прецедент. Они стали тем юридическим инструментом, который превращал идеологические обвинения Дворкина в официальный вердикт государственного экспертного учреждения. Для судов и следователей, не обладающих познаниями в религиоведении, заключение профессора из прославленного Центра имени Сербского звучало как непререкаемая истина. Оно становилось главным и зачастую единственным основанием для ликвидации религиозных организаций, возбуждения уголовных дел и запрета литературы. Мнение независимых психиатров и религиоведов при этом систематически игнорировалось. Как отмечал глава Независимой психиатрической ассоциации Юрий Савенко, с определенного момента их перестали приглашать в экспертные комиссии, даже если этого требовал суд, чтобы не допустить альтернативного мнения. Так была сформирована замкнутая и самоподтверждающаяся система. Публичным лицом и главным организатором этого крестового похода стал Александр Дворкин.

Опираясь на эту гремучую смесь из православного фундаментализма, остатков советской репрессивной системы и государственной поддержки, Дворкин и его соратники развернули полномасштабное наступление на религиозные меньшинства. Первым

шагом стало лоббирование и принятие в 1997 году федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях». В закон была заложена дискриминационная норма, известная как «правило 15 лет»: полноценный статус религиозной организации могли получить лишь те группы, которые могли доказать свое существование на территории России на протяжении как минимум пятнадцати лет. Несмотря на декларацию в преамбуле права каждого на свободу совести и равенство перед законом, тот же текст вводил иерархию, подчеркивая «особую роль православия в истории России» и выражая уважение к ограниченному списку «традиционных» религий. Этот механизм был прямо нацелен на сдерживание и контроль религиозных течений, которые законодатель считал «нетрадиционными». Разница в правовом статусе была критической. Таким образом, «правило 15 лет» фактически лишало новые или малочисленные религиозные объединения возможности полноценно существовать и развиваться, загоняя их в правовую «серую зону».

Данное положение с самого момента принятия закона вступило в прямое противоречие с международными обязательствами России, в частности с Европейской конвенцией по правам человека (ЕКПЧ), ратифицированной РФ в 1998 году. Статья 9 ЕКПЧ: «Каждый имеет право на свободу мысли, совести и религии; это право включает свободу менять свою религию или убеждения и свободу исповедовать их или не исповедовать, одиноко или в обществе, публично или частным образом». Статья 11 ЕКПЧ: «Каждый имеет право на свободу собраний и объединений с целью совместного выражения, осуществления или отстаивания своих идей. Это право включает право создавать союзы, ассоциации и иные объединения, а также входить в них и выходить из них». Эти права тесно взаимосвязаны, поскольку коллективное исповедание религии невозможно без права на объединение. Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ) в ряде своих решений прямо указал на неправомерность «правила 15 лет». Ключевой аргумент Суда заключался в том, что столь жесткое и длительное ограничение не является «необходимым в демократическом обществе».

ЕСПЧ последовательно устанавливал, что создание государством препятствий для регистрации религиозного объединения представляет собой вмешательство в права, гарантированные статьями 9 и 11 Конвенции. Требование 15-летнего срока было признано чрезмерным и дискриминационным, поскольку оно ставило новые религиозные движения в заведомо невыгодное положение по сравнению с «традиционными» конфессиями, подрывая сам принцип религиозного плюрализма.

Это правило отсекло сотни новых для России движений, включая саентологов, поставив их в уязвимое и бесправное положение. Далее последовали судебные атаки. Под надуманными предлогами — якобы незаконная образовательная или медицинская деятельность, несоответствие устава закону — прокуратура и Министерство юстиции инициировали процессы по ликвидации саентологических организаций в Москве и Санкт-Петербурге. Вершиной репрессивной кампании стало использование антиэкстремистского законодательства. Тексты Л. Рона Хаббарда, являющиеся для саентологов Священным Писанием, были признаны судами «экстремистскими материалами» и внесены в федеральный список запрещенной литературы. Это стало основанием для массовых обысков, изъятия литературы и, в конечном итоге, для запрета деятельности центральных саентологических организаций как «нежелательных» и «экстремистских».

Действие закона ощутили на себе десятки других религиозных объединений по всей стране. Хотя основной удар был направлен против новых религиозных движений, пострадали и общины, которые исторически присутствовали в России, но не могли предоставить формальных доказательств непрерывной 15-летней деятельности. Под давлением решений ЕСПЧ Россия была вынуждена пересмотреть законодательство. В 2015 году Федеральным законом № 261-ФЗ «правило 15 лет» было формально отменено. Однако это не означало полной либерализации. Вместо него были введены новые ограничения: зарегистрированные местные религиозные организации в течение 10 лет не имеют права создавать образовательные учреждения, учреждать

СМИ и в ряде случаев приглашать иностранных проповедников. Кроме того, была введена обязательная религиоведческая экспертиза для групп, не входящих в централизованную структуру. Таким образом, дух «правила 15 лет» — стремление государства контролировать и ограничивать «неудобные» религиозные группы — сохранился, трансформировавшись в новые административные барьеры. Этот закон не только нанес ущерб конкретным общинам, но и на долгие годы закрепил в российском правовом поле идею иерархии религий и подозрительности к инаковерию, что стало одним из факторов дальнейшего ужесточения законодательства о свободе совести.

Процесс слияния антикультистской идеологии с государственной машиной завершился, когда Александр Дворкин возглавил Экспертный совет по проведению государственной религиоведческой экспертизы при Министерстве юстиции РФ. Человек, посвятивший свою жизнь разжиганию ненависти к религиозным меньшинствам, получил официальные полномочия решать, какая религия является «правильной», а какая — «деструктивной». Его организация Центр религиоведческих исследований во имя св. Иринея Лионского, стала ядром РАЦИРС (Российская ассоциация центров изучения религий и сект), которая, по свидетельствам бывших участников антикультовой сети, стала открыто сотрудничать с Центром «Э» — главным государственным органом по борьбе с политическим и религиозным экстремизмом.

Симбиоз между РАЦИРС, церковными и государственными структурами был не просто идеологическим союзом, а отлаженным конвейером репрессий, работающим на прочном фундаменте из государственных денег и административного ресурса. Механизм этой координации не был скрыт за семью печатями; он был цинично выстроен на виду у всех. Ядром РАЦИРС стал «Центр религиоведческих исследований во имя священномученика Иринея Лионского», созданный Дворкиным по прямому благословению Патриарха Алексия II. Многие региональные ячейки РАЦИРС являлись, по сути, миссионерскими отделами местных епархий РПЦ, получая оттуда

прямое финансирование и организационную поддержку. Но церковных ресурсов было недостаточно. Настоящая мощь пришла от государства. Ключевым моментом стало прямое государственное финансирование. Только в виде президентских грантов в 2011–2013 годах структуры Дворкина получили не менее 9,5 миллионов рублей. Заняв пост председателя Экспертного совета по проведению государственной религиоведческой экспертизы при Министерстве юстиции, Дворкин получил в свои руки мощнейший административный рычаг. Теперь его частные «экспертизы», написанные в рамках РАЦИРС, могли получать статус официального государственного документа. Этот статус превращал их в неоспоримое для судов основание для преследования неугодных. На практике эта система работала как идеально отлаженный механизм. Сначала РАЦИРС или одна из ее аффилированных структур готовит «экспертное заключение», в котором учение и практики той или иной религиозной группы объявляются «деструктивными», «экстремистскими» или «угрожающими духовной безопасности». Затем это заключение, благодаря положению Дворкина, ложится на стол чиновников Министерства юстиции или прокуратуры уже как весомый аргумент, подкрепленный авторитетом «государственного эксперта». На основании этого документа государственные органы — прокуратура, Минюст и, что особенно важно, Центр по противодействию экстремизму (Центр «Э») — получают формальный повод для начала действий: инициирования судебных процессов о ликвидации, проведения обысков, изъятия литературы и возбуждения уголовных дел. Таким образом, РАЦИРС действовала как парегосударственная структура — формально общественная организация, но по факту — разведывательно-идеологический отдел, работающий с государственной поддержкой и интеграцией в официальные процессы. Она поставляла «научное» обоснование и идеологическое прикрытие для действий силовиков, превращая борьбу РПЦ с конкурентами в государственную политику по подавлению инакомыслия.

К 2014 году Александр Дворкин достиг пика своего влияния. Возглавляя созданную им антикультовую сеть РАЦИРС и занимая пост

председателя Экспертного совета при Министерстве юстиции, он превратился из частного лица в ключевой элемент государственной репрессивной машины. Его заключения ложились в основу судебных решений, а его идеология формировала общественное мнение. Однако именно в этот момент его оппоненты открыли новый фронт борьбы, нанеся удар не по его методологии, а по его личности, используя информацию, которая поставила под сомнение самое основание его авторитета — его собственное психическое здоровье. В мае 2014 года в публичное интернет-пространство были выложены сканы документов, представленные как медицинская карта Александра Дворкина из Психоневрологического диспансера №3. Согласно этим документам, в середине 1970-х годов, перед эмиграцией в США, Дворкин не только состоял на учете, но и проходил стационарное лечение в Психиатрической больнице №14. В документах фигурировал ряд серьезных диагнозов: циклотимия, патологическое развитие личности, психофизический инфантилизм. Эта публикация произвела эффект разорвавшейся бомбы. «Главный сектовед» страны, чья деятельность строилась на вынесении вердиктов о «психологическом воздействии» и «контроле сознания», сам оказался представлен как пациент психиатрических клиник.

Реакция на утечку информации о психическом здоровье Александра Дворкина привела к разделению мнений в информационном пространстве на два основных нарратива. С одной стороны, его оппоненты — включая представителей религиозных групп, которых он обвинял в сектантстве, а также независимых журналистов и правозащитников — активно использовали эти материалы для критики его экспертизы и методов работы. Они аргументировали, что предполагаемые медицинские данные подрывают объективность Дворкина как религиоведа, и распространяли информацию через сайты, СМИ и судебные жалобы. С другой стороны, Дворкин и его сторонники отвергли эти сведения как фальсификацию и «чёрный PR», инициированный противниками, и в некоторых случаях обращались в суд за защитой от клеветы. В целом, аргументация оппонентов была

прямой и последовательной, но её влияние на общественное мнение оставалось ограниченным, особенно в официальных кругах.

Профессиональная непригодность. Утверждалось, что человек с такими диагнозами по определению не может быть объективным экспертом. Ему приписывались «крайняя субъективность восприятия», «утрата связи с реальностью» и «невозможность адекватно оценивать последствия своих действий».

Патологизация деятельности. Вся его антикультистская деятельность была переосмыслена как возможное проявление его психического состояния — маниакальной одержимости, религиозной нетерпимости и агрессии. Его «охота на ведьм» представлялась не как научная или общественная работа, а как проекция личных патологий.

Дискредитация статуса. Особый акцент делался на его официальной должности в Минюсте. Медиапространство наполнилось заголовками вроде «Сектовед Александр Дворкин оказался обычным псих больным», а в Министерство юстиции посыпались запросы с требованием отстранить человека с подобной историей болезни от вынесения государственных экспертиз.

Позиция самого Дворкина и его сторонников со временем претерпела значительную эволюцию. Сразу после публикации Дворкин и его адвокат заявили, что документы являются грубой фальшивкой, созданной «сектантами» для его очернения. Позже Дворкин изменил тактику. Он признал факт своего пребывания в психиатрических учреждениях, но представил это в совершенно ином свете. Он заявил, что таким образом избегал службы в советской армии, будучи в молодости хиппи. Этот шаг позволял ему перевернуть ситуацию и представить себя не пациентом, а жертвой «карательной психиатрии», которая в СССР использовалась против инакомыслящих. Признавая сам факт, он настаивал, что не видел, что именно писали о нем врачи, и что опубликованные документы, вероятно, являются сильно искаженной и «отфотошопленной» версией реальности, основанной на «реальном маленьком ядре». Однако эта линия защиты оказалась уязвимой.

Представители Психоневрологического диспансера №3 подтвердили, что документы Дворкина действительно хранятся в их архиве, что подрывало версию о полной фальсификации.

Независимо от подлинности каждой детали в опубликованных документах, сам факт подтвержденного психиатрического анамнеза нанес сокрушительный удар по авторитету Дворкина и надежности его «экспертных» заключений. Ключевой вопрос перестал быть «Прав ли Дворкин в своей критике НРД?», он сменился на «Может ли человек с такой историей болезни быть объективным экспертом?»

Эта ситуация создала парадокс: человек, который построил свою карьеру на патологизации чужих убеждений, сам оказался в положении, когда его собственные убеждения и деятельность стали рассматриваться через призму его психиатрического диагноза. Аргументы критиков получили психологическое, а не только научное или юридическое измерение. Теперь его агрессивная реплика, любое спорное заключение могло быть легко объяснено не как результат анализа, а как симптом его состояния — проявление маниакальной фазы, нетерпимости или искаженного восприятия реальности. Это оружие оказалось чрезвычайно эффективным, поскольку оно било не по сложным религиозным концепциям, а по базовому доверию к личности эксперта. Скандал не мог не затронуть и государственные структуры. Министерство юстиции, по сообщениям СМИ, лишь «приняло к сведению» информацию, не предприняв публичных шагов по отстранению Дворкина. Однако тень сомнения была брошена на весь институт государственной религиозной экспертизы, который теперь ассоциировался с фигурой со столь неоднозначной репутацией.

Вершиной иронии в этой истории стало предполагаемое заключение экспертов из Государственного центра социальной и судебной психиатрии имени Сербского, вынесенное в августе 2014 года. Согласно некоторым источникам, специалисты того самого центра, чей ведущий сотрудник Фёдор Кондратьев был главным научным союзником Дворкина в борьбе с «сектами», изучив его медицинские

документы, пришли к выводу о его непригодности для работы на государственных должностях и в научной сфере из-за «расстройства психотического круга». Таким образом, система, которую Дворкин помогал выстраивать и легитимизировать, символически обернулась против него самого. Психиатрия, которую он и его соратники использовали как инструмент для подавления религиозных меньшинств, стала оружием, использованным для подрыва его собственного статуса.

Хотя Дворкин отверг эту информацию как фальсификацию и сохранил влияние в официальных и церковных кругах, утечка подорвала его репутацию как объективного эксперта в глазах критиков и правозащитников. В результате для части общества его публичный образ стал ассоциироваться с этими обвинениями, но это не привело к полному изменению его статуса как религиоведа среди сторонников.

Деятельность Александра Дворкина вызывает последовательную и резкую критику со стороны ведущих российских религиоведов, которые ставят под сомнение научную состоятельность его подходов, квалификацию и используемую терминологию. Ключевые фигуры академического сообщества, такие как Екатерина Элбакян, Анатолий Пчелинцев и Сергей Иваненко, сходятся во мнении о псевдонаучном характере его «сектоведения». Центральным пунктом критики является сам статус «сектоведения» и квалификация Дворкина. Профессор Екатерина Элбакян прямо заявляет, что специальность «сектовед» отсутствует в номенклатуре Высшей аттестационной комиссии (ВАК), характеризуя это направление как «не научное, а антинаучное». Она называет Дворкина «совершенно одиозной личностью», подчеркивая, что он не является религиоведом ни по образованию, ни по сути своей деятельности. Его главный труд, «Сектоведение. Тоталитарные секты», Элбакян охарактеризовала как «сектоведческий опус», который «трудно причислить к разряду книг». Кроме того, она указывает на манипулятивный характер экспертиз, проводимых сторонниками Дворкина, которые искажают тексты и способствуют необоснованному пополнению списков экстремистских материалов.

Доктор юридических наук, специалист в области религиоведения и права Анатолий Пчелинцев разделяет эту позицию, указывая на отсутствие у Дворкина признанного в России высшего образования и научных степеней. Он подверг разгромной критике состав возглавляемого Дворкиным Экспертного совета при Минюсте, заявив, что «более непрофессионального состава вообще представить... невозможно». Пчелинцев идет дальше, утверждая, что деятельность Дворкина по созданию «ложных стереотипов» в отношении некоторых религиозных групп провоцирует агрессию и разжигает религиозную рознь. Он характеризует сеть «антисектантских» центров Дворкина как «подлинную псевдоправославную сектантскую организацию».

Религиовед Сергей Иваненко также критикует «радикальные методы борьбы с сектами», применяемые Дворкиным, и его неразборчивость в выборе источников. Подход Иваненко, основанный на объективном и глубоком научном анализе религиозных организаций, противопоставляется конфессионально ангажированной и обвинительной деятельности Дворкина. Иваненко считает понятия «секты» и «нетрадиционные религии» неправовыми и используемыми для дискриминации. Общая линия критики сводится к тому, что методология Дворкина не соответствует научным стандартам. Указывается, что его концепции, такие как «тоталитарность» и «деструктивность», не являются научными категориями, а скорее представляют собой «ярлыки» и «социальное оружие». Его работы, как отмечают исследователи, часто базируются на ненадежных источниках, включая газетные публикации и интернет-сообщения. Как подытожил религиовед Роман Лункин, книги Дворкина не являются научными, и «оценивать их в рамках светской науки совершенно бессмысленно». Таким образом, в российском академическом религиоведческом сообществе сложился консенсус относительно деятельности Александра Дворкина. Ведущие эксперты рассматривают его работу не как научное исследование, а как идеологическую и псевдонаучную кампанию, которая наносит ущерб как репутации академического религиоведения, так и межконфессиональным отношениям в стране.

Россия в созданной Дворкиным антикультовой сети играет уникальную и ключевую роль — роль идеологического центра. Именно здесь была выкована и апробирована наиболее агрессивная и бескомпромиссная модель борьбы с новыми религиозными движениями. Эта модель характеризуется полным слиянием интересов доминирующей религиозной конфессии (РПЦ), государственных силовых структур и псевдонаучных «экспертов». В России антикультизм перестал быть просто общественным мнением и превратился в часть государственной политики, использующей весь арсенал юридического и административного давления — от дискриминационных законов до прямого запрета организаций по обвинению в экстремизме. Фигура Александра Дворкина, действующего на международной арене в качестве вице-президента FECRIS, обеспечивает экспорт этой радикальной идеологии, делая российский опыт доступным для антикультистов по всему миру. Эта российская антикультовая модель распространялась в соседние страны через несколько ключевых каналов: личное участие Александра Дворкина и других российских «экспертов» в конференциях и лекциях, перепечатка российских антикультовых материалов в местных СМИ, внедрение в официальный дискурс понятий «тоталитарная секта» и «деструктивный культ», а также проведение совместных межгосударственных мероприятий. Влияние этой модели в каждой стране имело свои особенности.

В Беларуси российская модель нашла самую благодатную почву. Тесные политические и культурные связи с Россией способствовали почти беспрепятственному импорту антикультистских практик. Уже в декабре 1996 года в Минске прошла международная конференция «Беларусь: религиозное сектантство и молодежь», по итогам которой было принято совместное обращение к правительствам Беларуси, России и Украины с призывом бороться с «сектами». Белорусский антисектантский дискурс в значительной степени питался российскими источниками, а российские «сектоведы» были частыми гостями на местных мероприятиях. Принятый в 2002 году Закон «О свободе совести и религиозных организациях» создал невыгодные условия для «новых»

конфессий, введя ценз оседлости и требования к гражданству основателей, что полностью соответствовало духу российского «правила 15 лет». В итоге Беларусь стала наиболее последовательным реципиентом российской модели, интегрировав ее риторику и подходы в государственное регулирование.

В Казахстане российская модель была адаптирована для усиления государственного контроля над религиозной сферой. Принятый в 2011 году Закон «О религиозной деятельности и религиозных объединениях» во многом воспроизвел российские ограничительные практики: обязательную перерегистрацию всех религиозных объединений, введение многоуровневой системы регистрации и обязательную религиоведческую экспертизу. В казахстанских аналитических материалах и академических работах активно использовались термины, заимствованные из трудов Дворкина, а сам он лично участвовал в формировании общественного мнения, выступая на телевидении в 2009 году и посещая с лекциями город Шымкент в 2012 году. Таким образом, Казахстан имплементировал ключевые репрессивные механизмы российской модели на законодательном уровне для легитимации жесткого государственного контроля.

В Украине влияние российской антикультистской модели имело свою специфику. До 2014 года оно проявлялось преимущественно в общественном дискурсе, не приводя к жестким законодательным последствиям, как в России или Беларуси. Российская риторика о «тоталитарных сектах» проникала в украинское информационное пространство, а в парламенте периодически возникали инициативы о запрете «опасных сект». Однако исторически более конкурентный религиозный ландшафт Украины и относительно либеральное законодательство о свободе совести не позволяли создать единый фронт «церковь-государство» против новых религиозных движений. В итоге до определенного момента российская антикультовая модель присутствовала в Украине как идеологический нарратив, но не воплощалась в системную государственную репрессивную политику. Ситуация начала меняться, когда антикультистская деятельность стала

использоваться как прямой инструмент информационной войны России против Украины. Примером этого стала работа Ирины Кременовской и Алексея Святогора, основавших «Центр экономико-правовых исследований». Эта структура действовала как подставная организация и филиал Российской ассоциации центров изучения религий и сект, возглавляемой Александром Дворкиным. Таким образом, была выстроена четкая иерархическая связь, где Дворкин формировал идеологию и методологию в России, его ассоциация РАЦИРС выступала как инструмент пропаганды, а украинский ЦЭПИ и его основатели Кременовская и Святогор становились конечными исполнителями, внедряющими пророссийские нарративы в украинское информационное пространство. Их деятельность, выходящая далеко за рамки религиоведческой работы, включала дискредитацию украинских политических, общественных и религиозных организаций и распространение пророссийских идей через подконтрольные медиа-ресурсы, такие как «Свободное слово» и «Антисекта». Под прикрытием «борьбы с сектами» они фактически реализовывали цели, направленные на создание внутреннего социального напряжения и делегитимацию независимых украинских институтов. Их работа является примером того, как антикультистская риторика была трансформирована в пропагандистский инструмент, интегрированный в более широкую стратегию российского влияния.

Российская антикультовая модель, начавшая свое формирование в 1990-е годы, оказалась эффективным и востребованным «экспортным продуктом». Она предлагала готовый набор инструментов — идеологию, терминологию, псевдонаучное обоснование и юридические механизмы — для подавления религиозного инакомыслия и укрепления вертикали власти. В Беларуси эта модель была принята с минимальными адаптациями. В Казахстане ее законодательные элементы были использованы для выстраивания жесткой системы государственного контроля. В Украине ее влияние со временем трансформировалось из общественного дискурса в инструмент прямой информационной войны. Таким образом, Россия выступила в роли регионального

идеологического штаба, распространяя технологии социального контроля под видом «защиты духовных ценностей». Деятельность Александра Дворкина и его структур стала катализатором и связующим звеном в этом процессе, обеспечивая экспорт антикультовой риторики и практик на постсоветском пространстве.

В конечном счете, борьба с «сектами» стала для российской антикультовой сети полигоном, на котором была отработана технология превращения любого инакомыслия в патологию или преступление. Религиозные меньшинства стали первой мишенью, но созданный механизм оказался слишком удобным, чтобы ограничиваться только ими. Впоследствии он был с легкостью применен к правозащитникам, независимым СМИ, оппозиционным политикам и всем, кто осмелился бросить вызов системе. Таким образом, история, начавшаяся с заявленной защиты «духовных скреп», привел к созданию универсального конвейера репрессий, который и по сей день является одной из опорных конструкций российского авторитарного режима.

Подводя итог, история российского антикультизма — это кейс-стади о создании, отладке и последующем экспорте универсальной модели подавления любого инакомыслия. Модель, выкованная в России, оказалась настолько эффективной, что ее компоненты и риторика были успешно интегрированы в общеевропейский дискурс, маскируя государственные репрессии под вид «защиты общества». Дворкин был ядром отечественной репрессивной машины, поставляя идеологическое и псевдонаучное топливо для судебных и административных расправ. FECRIS, обладающая консультативным статусом при Совете Европы и ООН, служила идеальной «витриной». Через эту структуру Дворкин не просто делился опытом — он легитимировал российские практики на международном уровне. Преследование религиозных меньшинств в России подавалось не как нарушение прав человека, а как вклад в общеевропейскую борьбу с «деструктивными культами». Таким образом, репрессивная государственная политика получала видимость соответствия европейским трендам. Проникновение агрессивной российской

риторики в европейские структуры происходило не стихийно, а через отлаженные каналы, где FECRIS играла центральную роль.

Глава 5. Глобальная сеть и последний рубеж: Саентология в эпицентре бури

Нити, тянущиеся из вашингтонских кабинетов середины XX века, парижских правительственных зданий, немецких бюрократических контор и московских экспертных советов, сплетаются в единый узор. Это узор глобальной сети, созданной для подавления инакомыслия под флагом борьбы с «культами». У этой сети есть своя идеология, свои финансисты, свои практики и свои солдаты. Но в центре этой паутины, как главный раздражитель и основная мишень, главный герой этой книги, оказалась одна организация — Церковь Саентологии. Именно ее бескомпромиссное и системное сопротивление на протяжении более чем полувека, по мнению авторов анализируемых источников, превратило ее во врага номер один для этой международной коалиции нетерпимости.

Если в Европе атака ведётся по линии государства, то в США, где Первая поправка к Конституции надёжно защищает свободу вероисповедания, фронт смещается в иную плоскость. Это не государственный, а коммерциализированный идеологический фронт, чьи методы эволюционировали от прямого физического насилия к медийной войне. История этой эволюции неразрывно связана с деятельностью и крахом организации «Сеть осведомления о культах» (Cult Awareness Network или CAN), которая служила предшественником и катализатором для современной модели. Изначально, в 1970–80-х годах, американский антикультизм был построен на практике насильственного «депрограммирования».

Центральным узлом этой системы была CAN. Основанная в 1974 году как группа поддержки для родителей, она быстро превратилась в

общенациональную сеть, которая собирала негативную информацию о тысячах религиозных групп и, что самое главное, направляла обеспокоенных родственников к депрограмматорам. Идеологической основой служила вульгаризированная теория «промыывания мозгов», согласно которой члены новых религий считались не добровольными последователями, а жертвами, лишёнными свободы воли. Эта концепция оправдывала насилие: похищение и психологические пытки рассматривались не как преступление, а как «спасательная операция».

Депрограмматоры, такие как «отец» этого движения Тэд Патрик, а позже и Рик Росс, действовали по отработанной схеме: жертву похищали, изолировали и подвергали многодневным сессиям интенсивного психологического давления, часто с применением физической силы, лишением сна и пищи. CAN не просто предоставляла контакты — она легитимизировала и активно способствовала этой преступной деятельности, создав рынок, где страх родителей монетизировался через услуги, стоившие десятки тысяч долларов. Крах этой системы был предreshён её беззаконием. Поворотным моментом стало дело Джейсона Скотта, 18-летнего члена небольшой пятидесятнической церкви. В 1991 году по наводке CAN депрограмматор Рик Росс организовал его похищение. Скотт провёл пять дней в неволе, но сумел симулировать «успех» депрограммирования, чтобы его отпустили, после чего немедленно обратился в суд. В 1995 году суд присяжных признал CAN соучастником преступления (незаконного лишения свободы) и обязал организацию выплатить компенсацию в размере \$1,875 миллиона. Не имея таких средств, CAN была вынуждена объявить о банкротстве. В ироничном финале её активы, включая название и знаменитый номер горячей линии, были выкуплены на аукционе группой лиц, связанных с Церковью Саентологии — одной из главных мишеней «старой» CAN.

Дело Джейсона Скотта, приведшее к краху CAN, стало кульминацией эпохи насильственного депрограммирования в США. Однако до этого момента, а иногда и после, антикультистское движение активно использовало методы, которые по своей сути являлись

уголовными преступлениями. Пионером и самым известным практиком насильственного депрограммирования был Тед Патрик (Ted Patrick), который называл себя «отцом депрограммирования». Теодор Рузвельт «Тед» Патрик-младший (род. 1930) — одна из самых противоречивых фигур в истории антикультового движения XX века. Известный как «отец депрограммирования», он разработал и популяризировал агрессивные методы «спасения» людей из новых религиозных движений, которые он считал деструктивными культами*.

**Резонансные случаи:*

Дело Кэрол Паккард (Carol Packard): В 1971 году Кэрол Паккард, член религиозной группы «Дети Бога», была похищена и подвергнута депрограммированию. Впоследствии она подала в суд на своих родителей и депрограммеров, что стало одним из первых прецедентов, привлечших внимание к криминальной природе этой практики.

Дело Элизабет Брукс (Elizabeth Brookes): В 1977 году суд признал Теда Патрика виновным в похищении и незаконном лишении свободы Элизабет Брукс, члена «Международного общества сознания Кришны» (ИСККОН), и приговорил его к тюремному заключению.

Его деятельность, начавшаяся как отчаянная попытка отца спасти своего сына, быстро переросла в коммерческое предприятие, основанное на похищениях и психологическом насилии, что в итоге привело его к многочисленным судимостям и тюремным заключениям. Биография Патрика не предвещала его будущей скандальной известности. Он вырос в бедной семье в Чаттануге, штат Теннесси, бросил школу в десятом классе и сменил несколько профессий, от водителя грузовика до владельца ночного клуба. В 1970-х годах его жизнь круто изменилась, когда его сын Майкл оказался вовлечен в деятельность религиозной группы «Дети Бога». Убежденный, что его сыну «промыли мозги», Патрик начал собственную борьбу. Он основал организацию Комитет родителей по освобождению наших сыновей и дочерей от «Детей Бога» (FREECOG или «Freedom of Cults» или »Free Communities of Cults»), которая позже трансформировалась в «Сеть осведомления о культах» (CAN). Патрик считал, что члены культов превращаются в «бездумных роботов» и теряют способность к

критическому мышлению. Исходя из этого, он оправдывал применение крайних мер.

Деятельность Патрика систематически нарушала закон, что привело к обширной криминальной истории. Его карьера следовала повторяющемуся циклу: депрограммирование, арест, суд, тюремное заключение, освобождение и возвращение к прежней практике. Таких громких дел насчитывается в его биографии, как минимум пять (в 1973г., 1974г., 1980г., 1980-е, 1885г.), помимо этих случаев, Патрик неоднократно привлекался к ответственности по обвинениям в похищениях и незаконном лишении свободы. Некоторые источники указывают, что один из его сроков составил семь лет, из которых он отбыл пять. Его действия также спровоцировали множество гражданских исков. Один из самых известных — от женщины, которую он удерживал взаперти 86 дней.

Практика Патрика была неотделима от насилия. Он не только оправдывал, но и открыто применял жестокие методы, иронично используя тот же арсенал принуждения, в котором обвинял «культы».

Задokumentированные случаи насилия.

Применение оружия. Сообщалось о случаях, когда жертвам угрожали оружием.

Физические нападения. Патрик лично признавался в использовании ударов ногами и кулаками во время похищений. В Массачусетсе он напал на мужчину с бритвой.

Жестокое обращение. В 1980 году в Калифорнии он приковал наручниками к кровати молодую учительницу и лишал ее еды. В 1990 году похитил женщину-амишку по просьбе ее мужа.

Сексуальное насилие. В Огайо Патрик и его сообщники были обвинены после похищения 20-летней женщины. Ее перевезли в Алабаму, где в течение семидневного «депрограммирования» она неоднократно подвергалась изнасилованию. Патрик действовал без формального образования или профессиональной подготовки,

руководствуясь лишь собственной уверенностью в своей правоте. Он создал парадигму, в которой цель — «спасение» от культа — оправдывала любые, даже самые преступные средства. Он был «трижды судимым преступником, склонным к насилию». Его методы были признаны незаконными и неэтичными, а его деятельность способствовала закату эры насильственного депрограммирования в США. История Теда Патрика — это предостережение о том, как борьба с «промыиванием мозгов» может сама превратиться в жестокую форму идеологического и физического насилия.

После банкротства CAN физическое насилие стало слишком рискованным и неэффективным. Фронт переместился с улиц и мотелей в медийное пространство. Современный американский антикультизм — это прямой наследник CAN, адаптировавший свои цели и методы к новой реальности. Их цель уже не юридический запрет или физическое «спасение», а социальная стигматизация и создание токсичной общественной атмосферы, которая делает невозможной нормальную деятельность организации. В отличие от европейской модели, финансируемой налогоплательщиками, американский антикультизм, как в своей старой, так и в новой форме, — это прежде всего индустрия, построенная на коммерческом интересе и медийном капитале, а главным оружием стали «отступники» — бывшие члены, публично выступающие с обвинениями против своей прежней религии. Детальный анализ медийных проектов ключевых фигур этого фронта, таких как Лиа Ремини и британский автор Джон Атак, вскрывает общие шаблоны и лежащие в их основе мотивы. Хотя их подходы и целевые аудитории различаются, они действуют в рамках единой стратегии, формируя двухкомпонентную атакующую систему. Лиа Ремини представляет собой «эмоциональное ядро» медийной атаки. Используя свой статус голливудской знаменитости, она создала продукт, идеально подходящий для современного медиапотребления. Ее сериал — это не расследование, а тщательно срежиссированное шоу, построенное на слезах, обвинениях и односторонней подаче информации. Нарратив Ремини целенаправленно упрощен: есть абсолютное зло (Церковь) и невинные

жертвы (она и другие отступники). Этот подход чрезвычайно эффективен, поскольку апеллирует не к разуму, а к эмоциям, и не требует от зрителя критического осмысления. Согласно данным, предоставленным саентологами, эта медийная кампания спровоцировала волну ненависти, вылившуюся в более чем 600 задокументированных угроз и актов насилия в отношении саентологов, включая трагическое убийство сотрудника Церкви Саентологии Аарона Йеха в Австралии. Джон Атак, в свою очередь, играет роль «интеллектуального фасада». Его книга «Кусочек голубого неба» позиционируется как фундаментальное историческое исследование, разоблачающее Саентологию. На деле же это, по мнению критиков, тенденциозный сборник слухов, искаженных фактов и личных интерпретаций, призванный дискредитировать основателя движения и его философию. Атак предоставляет «сектоведам», журналистам и юристам якобы авторитетный источник, на который можно ссылаться для придания веса своим обвинениям. Он создает видимость академической легитимности для антикультистского нарратива.

При всем различии стилей, оба автора используют один и тот же фундаментальный шаблон — нарратив предательства с последующей виктимизацией. Этот шаблон преследует две основные цели: коммерциализация мести и психологическое самооправдание. Превращение личной истории в товар, который успешно продается на рынке медийного контента. Критика религии становится не гражданской позицией, а карьерой и источником дохода. Ключевым элементом их нарратива является концепция «промывания мозгов». Принимая ее, отступник снимает с себя всякую ответственность за десятилетия, проведенные в организации, за свой собственный выбор, действия и убеждения. Он перестает быть взрослым человеком, совершившим ошибку или изменившим взгляды, и превращается в безвольную жертву, которой манипулировали. Эта позиция не только удобна психологически, но и является единственным логическим оправданием для той ярости и мстительности, которые становятся движущей силой их новой деятельности. Таким образом, тандем Ремини

и Атак создает самоподдерживающуюся экосистему пропаганды. Ремини формирует волну общественного негодования, а Атак поставляет «фактологическую» базу для тех, кто хочет оседлать эту волну. Их деятельность — это не поиск истины, а расчетливая медийная операция, являющаяся неотъемлемой частью глобальной войны против Саентологии, где поле боя — умы и сердца миллионов людей.

На протяжении всей этой многолетней войны Саентология выработала четкую стратегию противодействия. Основатель движения Л. Рон Хаббард завещал своим последователям никогда не оставлять нападки без ответа и активно использовать все доступные средства для защиты своих прав. Эта стратегия включает в себя три ключевых направления. Во-первых, это бескомпромиссная юридическая защита: саентологи подают иски о клевете, оспаривают дискриминационные законы и добиваются справедливости в национальных и международных судах. Во-вторых, это масштабная правозащитная деятельность через аффилированные организации, такие как Гражданская комиссия по правам человека, которая продолжает разоблачать преступления психиатрии, и «Объединяйтесь за права человека», продвигающая Всеобщую декларацию прав человека. В-третьих, это активные информационные кампании, публикующие книги, фильмы и выставки, которые вскрывают историю, методы и связи самого антикультистского движения. Именно эта активная, наступательная и многоуровневая оборона делает Саентологию столь ненавистой для ее противников. Она не просто защищается, а наносит ответные удары, вскрывая подноготную тех, кто пытается ее уничтожить.

ИСТОЧНИКИ

1. Akmal Mukhsimov. (2025, 29 октября). Сергей Иваненко — что скрывают “борцы с сектами”? РПЦ / ФСБ / Антикультовая сеть [Видео]. YouTube. https://www.youtube.com/watch?v=eN_CXGcxYIU
2. Berzano, L., Falikov, B., Fautré, W., Filipovich, L., Introvigne, M., & Rigal-Cellard, B. (2022). Anti-cult ideology and FECRIS: Dangers for religious freedom. The Journal of CESNUR, 6(3), 3–24.
https://cesnur.net/wp-content/uploads/2022/05/tjoc_6_3_1_whitepaper.pdf
3. Church of Scientology International. (2025). Саентологическая религия в Германии. Scientologyreligion.ru.
<https://www.scientologyreligion.ru/religious-recognitions/germany.html>
4. Eisenberg, S. Un million d’euros sous enquête: comment la Miviludes se retrouve au cœur d’un scandale de subventions. Religactu.
<https://religactu.fr/un-million-deuros-sous-enquete-comment-la-miviludes-se-retrouve-au-coeur-dun-scandale-de-subventions/>
5. Eisenberg, S. Un million d’euros sous enquête: comment la Miviludes se retrouve au cœur d’un scandale de subventions. Religactu.
<https://religactu.fr/un-million-deuros-sous-enquete-comment-la-miviludes-se-retrouve-au-coeur-dun-scandale-de-subventions/>
6. Fautré, W. (2018). Anti-cult wars in Europe: FECRIS, Alexander Dvorkin and others. The case of the Applied Sciences Association in Odessa. The Journal of CESNUR, 2(3), 54–65. https://cesnur.net/wp-content/uploads/2018/06/tjoc_2_3_4_fautre.pdf
7. Herz, F. (2022, April 7). Eingriff in die Religionsfreiheit: München muss Scientology-Anhängerin E-Bike-Zuschuss zahlen. tz.
<https://www.tz.de/muenchen/stadt/muenchen-scientology-urteil-zuschuss-ebike-religionsfreiheit-gericht-religion-fahrrad-91465212.html>
8. Hubbard, L. R. (1950). Dianetics: The modern science of mental health. Hermitage House.

9. Introvigne, M. (2023). The myth of a Russia besieged by “cults”: From Ivan Ilyin to the Russian FECRIS’ campaigns against Scientology. The Journal of CESNUR, 7(6), 19–33. https://cesnur.net/wp-content/uploads/2023/11/tjoc_7_6_2_introvigne.pdf
10. Labaton, S. (1993, October 14). Scientologists granted tax exemption by the U.S. The New York Times.
11. Rinder, M. (2024, April 13). The insanity of the “Ideal Org” program. Mike Rinder’s Blog. <https://www.mikerindersblog.org/the-insanity-of-the-ideal-org-program/>
12. Shupe, A. D. (2024, June 17). CAN: Anti-Cultists, deprogramming, and crime. 3. The Jason Scott case. Bitter Winter. <https://bitterwinter.org/can-anti-cultists-deprogramming-and-crime-3-the-jason-scott-case/>
13. Shupe, A. D. (2024, June 13). CAN: Anti-Cultists, deprogramming, and crime. 1. The Waterloo of the Cult Awareness Network. Bitter Winter. <https://bitterwinter.org/can-anti-cultists-deprogramming-and-crime-1-the-waterloo-of-the-cult-awareness-network/>
14. Shupe, A. D. (2024, June 14). CAN: Anti-Cultists, deprogramming, and crime. 2. American anti-cultism and deprogramming. Bitter Winter. <https://bitterwinter.org/can-anti-cultists-deprogramming-and-crime-2-american-anti-cultism-and-deprogramming/>
15. Scientologists Taking Action Against Discrimination. (n.d.). Ted Patrick. STAND League. Retrieved November 23, 2025, from <https://www.standleague.org/hate-monitor/exposed/ted-patrick.html>
16. Touretzky, D. S. (2000, November 30). Scientology’s fraudulent study technology. Carnegie Mellon University. <https://www.cs.cmu.edu/~dst/StudyTech/>
17. Verwaltungsgericht Hamburg. (2008, April 24). Urteil vom 24.04.2008 – 15 K 3255/05.
18. Wikipedia. L. Ron Hubbard. In Wikipedia, The Free Encyclopedia. https://en.wikipedia.org/wiki/L._Ron_Hubbard

19. Wikipedia. The Bridge to Total Freedom. In Wikipedia, The Free Encyclopedia.
https://en.wikipedia.org/wiki/The_Bridge_to_Total_Freedom
20. Wikipedia. History of Dianetics and Scientology. In Wikipedia, The Free Encyclopedia.
https://en.wikipedia.org/wiki/History_of_Dianetics_and_Scientolog
21. Wikipedia. Каберта, Урсула. Википедия.
<https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9A%D0%B0%D0%B1%D0%B5%D1%80%D1%82%D0%B0,%D0%A3%D1%80%D1%81%D1%83%D0%BB%D0%B0>
22. Википедия. Дворкин, Александр Леонидович. В Википедия: Свободная энциклопедия.
23. Иваненко, С. И. (2012). Вторжение антикультизма в государственно-конфессиональные отношения в современной России. Москва: Древо жизни.
24. Иваненко, С. И. (2025, 29 сентября). Антикультовая империя ярлыков. Глава 2: Антикультовая сеть FECRIS, международные связи и влияние на Россию. VC.ru. <https://vc.ru/id5167418/2243959-antikultovaya-set-fecris-mezhdunarodnye-svyazi-i-vliyanie-na-rossiyu>
25. Иваненко, С. И., & Волкова, Е. И. (2023). О людях, стойких в гонении: Свидетели Иеговы в России начала XXI века. Москва: Авторское издание.
https://imwerden.de/pdf/ivanenko_volkova_o_lyudyakh_stojkikh_v_goneanii_2023__izd.pdf?utm_source=chatgpt.com
26. Иваненко, С. И. (2012). Обыкновенный антикультизм. Санкт-Петербург: Древо жизни.
27. Колбяшкин, Е. (2025, October 25). Саентология: что это, как стала популярной и почему запретили в России. РБК Тренды.
<https://trends.rbc.ru/trends/social/65395dc19a7947f7e0553906>
28. Кондратьев, Ф. В. (2017). «Правозащитное» злоупотребление психиатрией: клиничко-политическое представление истории

русской психиатрии (под ред. Ю. Д. Криворучко). Москва: Издательство МБА.

29. Кондратьев, Ф. В. (1998). Медико-социальные последствия деструктивной деятельности тоталитарных сект. Москва: Министерство здравоохранения РФ; Государственный научный центр социальной и судебной психиатрии им. В. П. Сербского.

30. Кондратьев, Ф. В. (2012). Религиозность и психопатология: аспекты взаимовлияния. Российский психиатрический журнал, (5), 5–13.

31. Мухтаров, Е. О. Официальная биография А. Л. Дворкина. Центр религиоведческих исследований во имя священномученика Ирины Лионского.

32. Новости ТЭТ. (2025, 6 мая). Культ секретности: антисектантская организация MIVILUDES во Франции под пристальным вниманием. The European Times.

<https://www.europeantimes.news/ru/2025/05/%D0%BA%D1%83%D0%BB%D1%8C%D1%82%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%8F-%D1%82%D0%B0%D0%B9%D0%BD%D0%B0-miviludes-%D0%BF%D0%BE%D0%B4-%D0%BF%D1%80%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D1%8B%D0%BC-%D0%B2%D0%BD%D0%B8%D0%BC%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B5%D0%BC/>

33. РБК Тренды. (2023, 9 ноября). Саентология: что это, как стала популярной и почему запретили в России. РБК Тренды.

<https://trends.rbc.ru/trends/social/65395dc19a7947f7e0553906>

34. Российская Федерация. (2002, 25 июля). Федеральный закон № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (в ред. от 5 декабря 2022 г.). Собрание законодательства Российской Федерации, 30, ст. 3031.

35. Русская Православная Церковь, Архиерейский Собор. (1994, декабрь). Определение «О псевдохристианских сектах, язычестве и оккультизме». Москва: Русская Православная Церковь. (Текст ранее размещался на сайте Центра религиоведческих исследований во имя священномученика Ириния Лионского.)